

фантастическая
история

Виктор Сиголаев
**Фатальное
КОЛЕСО.**
Третий не лишний

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Фатальное колесо

Виктор Сиголаев

**Фатальное колесо.
Третий не лишний**

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Сиголаев В. А.

Фатальное колесо. Третий не лишний / В. А. Сиголаев —
«АЛЬФА-КНИГА», 2018 — (Фатальное колесо)

Нет, я не прогрессор. И просто «попаданцем» назвать себя не поворачивается язык, хотя я реально попал! Попал в собственное детство. По непонятному стечению обстоятельств и неведомому космическому капризу. Да еще и с жизненным опытом взрослого человека – офицера запаса и преподавателя общественных дисциплин. Вот только менять ход истории, как это положено делать нормальному «попаданцу», как-то не с руки. Да и не особо хочется... А зачем? Все ведь и так прекрасно! Что может быть лучше беззаботного детства во времена «развитого социализма»? Квас за три копейки, мороженое за девять, да и детство твое проходит не где-нибудь, а на берегу теплого Черного моря. Казалось бы, живи да радуйся, используй непостижимый разворот фатального колеса на полную катушку, так нет же! Горе от ума. Не дают взрослые мозги ребенку насладиться всей прелестью босоногого счастья. Из-за них и дружба с оперативниками из КГБ, и опасности по несколько раз на дню, а иногда и риск остаться без этой умной, но беспокойной головы. А тут еще другие «попаданцы»! Братья, можно сказать, по несчастью. В этом беспечном «застойном» болотце, похоже, есть уже третий непрошенный гость из будущего! Да еще и такой... необычный. А третий, как известно, лишний. Или нет?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сиголаев В. А., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Сиголаев

Фатальное колесо. Третий не лишний

Пролог

Что же это было?

Ну понятно, я. Вообще что-то ненормальное. Внешне – худенький восьмилетний школьник. Не очень велик, но, между прочим, и не мелочь пузатая. Так, середнячок, уверенно попадающий в топовую десятку классной шеренги на физкультуре. На восьмое-девятое место, если честно. Зато через какой-то месяц – настоящий второклассник. А это, на секундочку, уже что-то! Это вам не какой-нибудь бесправный душара-первоклашка. Величина! К тому же хороший, спортсмен и командир октябрятской «звездочки» (не удалось отвертеться от завуча). Правда, ко всему прочему, непоседа и барагоз, но это, как говорят у нас на юге, «та то так». Пустяки, мол. Не берите в голову.

В целом – впечатление положительное.

Только вам любой моряк-полярник укажет веско и авторитетно – не надо оценивать айсберг по размерам его макушки. Чревато это. А что же касается моей персоны, такая ошибка вообще может оказаться роковой, а кое для кого и фатальной. Как то колесо от «москвича», которое и забросило меня в прошлое.

Потому что внутри у меня находится сущность, крайне далекая от внешне благопристойного образа: мозги и жизненный опыт пятидесятилетнего военного пенсионера, замполита и учителя истории. Моралиста и зануды, если быть до конца честным, «та то так». Издержки возраста.

То есть получите объект для восхищения – ребенок с сознанием взрослого человека. Пожилого даже, чего греха таить. Причем мальчик живет в семьдесят четвертом, а сознание и мозги – из две тысячи пятнадцатого! И скажу, забегая вперед, не дают эти мозги детенышу спокойной жизни. Ох и не дают!

Как назвать такой вот симбиоз – аномалией мироздания или вывихом вселенского гомеостаза? Понятия не имею. А самое главное, никто на свете, и в первую очередь я сам, не в состоянии объяснить, как такая непонятка могла произойти.

Впрочем, насчет «никого на свете» я слегка преувеличиваю: об этой несуразице знает на данном историческом этапе только один человек – инструктор мой Ирина. Позывной в иерархии местного отдела Конторы – «Сатурн». Я имел неосторожность в прошлом году рассказать ей о своей наболевшей проблеме. В подробностях. В животрепещущих деталях. Был, признаюсь, излишне эмоционален и чертовски несдержан.

Тем не менее кое-что в этой несдержанности меня все-таки извиняет.

Ну, во-первых, находился я тогда в состоянии серьезного психологического шока. На фоне, так сказать, полного физического истощения, вызванного длительным ночным заплывом в открытом море. Такой стресс получил, что об этом до сих пор вспоминать не хочется.

А во-вторых, в минуту слабости я через Ирину интуитивно «возопил о помощи» к Шефу, к Сергею Владимировичу – старшему в нашей компании. Начальнику нескольких подразделений и межведомственных групп. Позывной «Пятый». У него голова – что Дом Советов. К тому же – гигантский опыт оперативной работы и невообразимая интуиция.

Собственно, он меня и нашел в свое время. Нашел и приобщил к работе «в поле». Раскрываясь Ирине, разумеется конфиденциально, я тем не менее надеялся, что она рано или поздно сама «сдаст» информацию о моей аномалии вверх по команде. И думать за меня начнет уже кто-то другой. Скорей всего, так оно и произошло. Возможно. По ряду косвенных призна-

ков, Ирина действительно меня сдала. Из самых добрых побуждений, естественно. Да только «Пятый» хранит по этому поводу загадочное гробовое молчание и мой хомут на свою должностную шею перекладывать не торопится. Ну, это понятно. У него есть на то свои резоны.

Однако дело не в этом. Проблема в том, что весной, во время нашей последней операции, обнаружилось, что я здесь, в этом времени торжества развитого социализма, оказывается, не один такой красивый! Ну, типа телом местный, а мозгами из двадцать первого века. У нас, как выясняется, еще один такой кадр бузотерит в социалистической действительности.

Кадр из будущего! Да такой, что на уши поднялась не только городская контора, на придушенный писк которой резво откликнулись все областные силовики. Подпрыгнули в экстазе аж на самой всесоюзной верхушке КГБ! Ни много ни мало. Виданое ли дело – похищения советских людей с целью забугорной продажи проклятым и безнадежно загнившим капиталистам! И за всем этим безобразием – всего лишь один человек!

Сильный был кадр. Да только погиб, знаете ли, «землячок». От моей, стало быть, руки и погиб.

Как поют в этих временах хулиганствующие подростки в подворотнях: «И сцепились два тела, дрожа. И сверкнули два острых ножа. Были оба красивы, сильны. Как два брата похожи они...»

М-да. Ножи, конечно, не сверкали. И «сильны» были далеко не оба. Разница, знаете ли, в возрасте. Мне просто повезло. Крупно. И не думаю я, что это везение займет почетное место в моих предполагаемых мемуарах.

Хотя... самозащита в чистом виде, ни один адвокат не придерется.

Только я опять не об этом!

Два засланца из смутного демократического будущего – это, понятное дело, серьезный экстрим для советской эпохи. Для местных застойных реалий и этого оказалось многовато. Хорошо, что хоть второй «скиталец времен» все же свой секрет унес вовремя в могилу. Волну, правда, поднял – мама не горюй!

Я же со своей стороны насчет будущего в основном помалкиваю, если не считать Ирины. И свои суперспособности по возможности стараюсь сильно не афишировать. Вне группы, разумеется.

И вроде бы все возвращается на круги своя: преступный элемент в целом – в пределах допустимой погрешности, шпионы не злобствуют, а я – вновь обычный рядовой октябренок. Послушный сын и верный товарищ.

Думаете, это все?

Как бы не так! Ошибаться изволите.

«Недолго музыка играла, недолго ффаер танцевал». Вновь труба зовет! Потому как у нас тут, в светлом прошлом, третий засланец рисуется! По косвенным, правда, признакам, но тем не менее. А третий – как известно, при некоторых раскладах всяко уж «лишний»!

Особенно такой, я бы сказал... оригинальный третий.

Расскажу по порядку, как получилось.

Глава 1

Геннадий фон Мюнхаузен

– Все они тут повязаны! Все до одной!

Малолетний рассказчик выразительно таращит глаза, грозно надувает щеки и даже слегка шевелит ушами в пространстве. Для вящей убедительности и торжественности момента. Уши, надо отдать должное, шикарные – огромные, в пунцовых прожилках, к тому же растопырены так, что напоминают воздухозаборники у «Запорожца».

Эти «локаторы» принадлежат Генке Федюхину. Моему однокласснику.

Он у нас душа компании, заводила и баламут. А главное – враль, которого свет доселе не видывал! Брехло. Белебень! Сейчас, к примеру, на моих глазах происходит рождение новой легенды. Легко и непринужденно, можно сказать, в режиме импровиза формируется миф о том, почему мальчишкам нашего сопливого возраста так хочется лишний раз дернуть девчонку за косичку. Или треснуть портфелем по маковке. Или – обратить злодейку в бегство, а потом ловко подсесть вражину сзади подножкой. Эх, высший пилотаж!

Просто они... сами во всем виноваты!

Я откинулся на спину и зажмурился, с удовольствием впитывая ароматы душистого крымского августа. Пахнет выгоревшей травой, землей, разогретой под солнцем до «сковородной» температуры, и чем-то цветочно-кипарисовым, если можно себе такой запах вообразить. Цикады трещат как полоумные, перепутав день с ночью. С тяжелым гулом пролетают осы и стрекозы – от сада к саду, скорее всего. Ведь самый фруктовый месяц на дворе. Самый лучший летний месяц, сладкий и беззаботный.

Господи, хорошо-то как!

Мы оголтелой стайкой носились на велосипедах в пригороде, потом слегка утомились и недолго думая рухнули отдыхать прямо на травку, там, где и застала нас усталость, – а чего далеко-то ходить? Теперь, раскинувшись на уютном блекло-зеленом склоне в полутени абрикосовых деревьев, мы степенно толкуем «за жизнь». В данный конкретный момент слушаем доклад философа Генки с его новейшими изысканиями в области гендерных стереотипов.

А он разошелся не на шутку:

– Они же днем – как обычные девки! Не отличишь. В классики там свои играют. В куколки, в цветочки, в резиночки, в дочки-матери свои... – Генкина компетентность смутно настораживает. – Только вранье все это. Маскировка. Прикидываются они! Точно вам говорю. На самом деле они все – самая настоящая банда!

Любопытная версия.

И откуда все это берется? Нет, просто интересно, куда гражданина Федюхина на этот раз заведет его неутомимая фантазия?

Ну, давай-давай.

– Как только заходит солнце и наступает ночь, – нагоняет особой жути рассказчик, – выходят они тайком из дома, собираются вместе и начинают... ловить пацанов!

Ада! Дайте больше ада!

– Повсюду, значит, их ловят! По всему району! А как поймают, пытать начинают. Привязывают к стулу – и... давай раздевать!!!

Ого! Да у нас тут зародыши эротических фантазий! В восемь неразумных лет.

Ну, теперь понятно. Все вдруг стало ну просто предельно ясно. Я бы сказал – транспарентность ночных коллизий в каменных джунглях нашего района начинает торжествовать! Смотри ж ты, экие разбойницы! Ночные бестии. Валькирии местечковые! Ох и плачут по ним портфели с подножками. Так и надо этим бандиткам!

И смех и грех.

Каково мне все это выслушивать в свои пятьдесят с лишком?

Не могу удержаться:

– Гендос! А ты – это, того... малость не преувеличиваешь?

Мне можно встречать в самые разнообразные разговоры и задавать любые, даже такие провокационные вопросы, потому что с недавнего времени я на районе пользуюсь невиданным авторитетом. И это не потому что, к примеру, ловко дерусь или там лучше всех плаваю. Нет. Этим никого не удивишь. Я просто недавно имел неосторожность продемонстрировать обществу несколько приемов так называемого «битбокса» в собственной интерпретации.

Если кто не знает (молодежи не касается), битбоксинг – это вовсе не одна из разновидностей классического бокса и даже не искусство махать битой. Это, как бы точнее сформулировать, использование ротовой полости и голосовых связок не по прямому их назначению, а в качестве воспроизведения музыкальных звуков и ритмов. Без вспомогательных инструментов, разумеется.

Не хватает мне, знаете ли, в этом времени современной музыки.

Хочу попсы!

Вот и зарядил я как-то микс разухабистого ресторанного бита, имитируя ударную установку. Получилось что-то вроде: «Дык. Туки-пыщц. Дык-дык. Туки-пыщ, пыщц. Дык. Туки-пыщц. Дыки-мыки-фики-пыщц». И по квадрату, как положено. На четыре четверти. Пока губа не онемает.

Элементарщина, конечно, кустарщина дилетантская, но общество от изумления оказалось на пятой точке. И мой социальный статус неожиданно вознесся до небес. С тех пор я регулярно совершенствую свои таланты звукового имитатора и продолжаю «буреть» в пацанском коллективе:

– Вот откуда ты все это знаешь? В таких подробностях? Про стул, про пытки? А?

– А... так меня тоже ловили...

Лихо. Не моргнув глазом! И даже не шевельнув ушами ни разу.

– И тоже... пытали?

– А то! Стали привязывать к... железным воротам. Возле школы, знаешь? Ага, именно к этим! Да только я вырвался. Дал одной там... в нос. Вот так, хрясь! Тогда они куча-малой набросились. Майку мне порвали. Хотели штаны снять – так я их раскидал всех. Да и утек! Они погнались было, да только... ты же знаешь, как я быстро бегаю!

– Ты же майку о забор порвал. Когда к соседу твоему за «изабеллой» лазили! Забыл, что ли? Помнишь, как мать тебя ремнем гоняла?

– Другую! Другую майку! Новую! Да не жалко ее. Зато я теперь их всех запомнил! Всех! Вон! Вон, смотри!

И, спрыгивая со скользкой «маечной темы», начинает тыкать пальцем в сторону виднеющихся неподалеку частных домиков. Мальчишки все дружно разворачиваются туда.

– Видали? Ходят тут. Выглядывают!

Метрах в шестидесяти от нас из проулка одноэтажек выпорхнула парочка наших ровесниц. Стрельнули глазками, пошептались, хихикнули и вприпрыжку поскакали по каким-то своим девчачьим делам.

– Я одну из них видел там, – с важностью заявил Генка, – ночью. Это... Катька. Катька... Мокрушница. Самая злобная из них. Вообще замочить меня хотела. Не знаю, что было бы, если бы я не утек...

И вздохнул печально, все же шевельнув для достоверности ушами.

Трагически на этот раз.

Я присмотрелся. Девчонки как девчонки. Одна, кажется, из нашей школы, из параллельного класса.

Бред!

Однако пацаны слушали открыв рот. А Генка купался в лучах ненадежной и кратковременной славы, млел от наслаждения.

Нужны еще доказательства? Сейчас слепим.

– Вот тебя, да-да, Димон, тебя! Разве девки тебя не ловили ни разу?

Хороший ход!

Димка – слабое звено в нашей компании. Самый щуплый и немногословный член стаи. Попробуй тут возразить нашему «корпоративному моторчику». Да и не так уж часто к Димону здесь обращаются. Особенно по таким серьезным вопросам. Приходится соответствовать.

– Ну... ловили... один раз... Мм... На той неделе... Только я их не запомнил вовсе. Мне... глаза сразу завязали... Тряпкой...

– И как? Тоже пытали? Раздевали? – устроил я свидетелю «перекрестный допрос».

– Ну... я не помню, – замялся Димон и тут же ляпнул не подумав: – Глаза же завязаны! Я и не видел ничего!

– И не видел, и не слышал, и даже не почувствовал, как штаны снимают, – добил я Генкиного подпевалу.

Димон густо покраснел, но за него сразу же вписался наш барон Мюнхаузен:

– Чего ты пристал? Может... неудобно человеку вспоминать. – И дальше пошел гнуть свою линию: – А девки еще и предупреждают всех, кого поймали, – мол, скажешь кому – хуже будет! Специально за тобой охотиться начнут. Тогда уж – все! Кранты!

Я притворно вздохнул:

– Жаль. Давай тогда прощаться, Гендос. Этот закат ты видишь в последний раз. Теперь уж точно – сдернут с тебя твои штанишки. А после этого какая жизнь пацану?

– Не дамся я, – угрюмо буркнул Генка, а затем, подумав, прибавил пафоса: – Живым больше не дамся! Пусть даже и не думают.

Я вновь откинулся спиной в пыльную душистую траву и беззаботно заявил:

– Да ты просто не ходи никуда по ночам. Сделай уж усилие над собой, потерпи. Понимаю, что дома не усидеть, только ведь жизнь дороже! Она один раз дается.

Вот оно мне надо?

Чего к мальчишкам прицепился, дурень великовозрастный? Чешут своими языками – и ладно. Проходят, так сказать, свою школу коммуникации в коллективе, нащупывают ориентиры и экспериментируют статусами. Нормальное дело.

Но до чего же с ними скучно!

– А давай мы их сами ночью подловим, – неожиданно даже для самого себя предложил я, вернувшись в сидячее положение. – На живца! Вон Димона пустим вперед, а сами в засаду. Покажем им, кто на районе хозяин. Пацаны или девчонки. А?

У щуплого Димки, как у того хамелеона, резко изменился цвет кожного покрова.

Кровь отхлынула от щек, и он из пунцового жизнерадостного индейца вмиг превратился в зачуханного бледно-желтого ковбоя. Загар не позволил ему стать по-настоящему белым.

– Меня... ночью не пустят, – позорно признался он.

Ну да! А кого здесь пустят?

В Генкиной легенде ночные забеги – самое слабое место. Мы же не беспризорники какие. Максимум в восемь вечера всех оболтусов матери загоняют домой. А то и раньше. Кого тут ловить злобным девчонкам? Самих себя? А к слову, их-то кто по ночам отпускает? Неправильные какие-то у них родители.

Короче, все почувствовали, что Генкина версия слегка завибрировала. Легенда стремительно теряла стройность и грозила вот-вот рассыпаться. Но чем любопытен наш раннешкольный возраст – логика здесь пока не имеет столь определяющего значения, как, скажем, у взрослых. Или даже у старшекласников. Тянет мальчишек к чуду, к сказкам, к фантазиям. Дед

Мороз жив! Он пока еще существует, а значит, могут существовать и ночные хищницы, алчущие мальчишеских штанишек.

И получается – поделом мы их портфелями по макушкам!

А что? В нашем двадцать первом веке те же американцы используют не менее сомнительные поводы, чтобы, скажем, очередной раз сунуться в какую-нибудь страну во имя торжества демократии. А мы чем хуже? У нас свои «пробирки с порошком».

И Генка не сдаётся:

– А что? Подходящая идея. Поймаем и наваляем. Точно! Кто сможет ночью выйти?

Пацаны замялись. Стали отводить глаза.

Кто-то стал гонять муравьиного льва по лункам склона. Кто-то начал втыкать палочку в землю – настоящие ножи родители носить не разрешают. Желающих, короче, не находилось.

– Я смогу, – поддержал я Генку. Раз заварил сам кашу, нечего отмалчиваться. – Когда собираемся?

– В двенадцать. В полночь! На пустыре за кинотеатром.

Ада!

Пустырь – штатное место для драк между нашими дворовыми группировками. Грозное место. И о нем все знают. Не перепутаешь. Генкин выбор символизирует серьезность его намерений.

– Идет. Так что, вдвоем идем?

– Я сейчас у бабушки ночую, она старенькая, рано спать ложится, – вписался конопатый парнишка по имени Славка, – как заснет, я приду.

Славка не из нашего класса. И даже не из нашего двора, что грозило бы ему обструкцией. Однако на нашей территории живет его бабушка, и поэтому у него шенгенская виза. Доступ Славке в наш аквариум разрешен. Теперь же ему хочется еще и статусного веса поднабрать среди чужаков.

– Ну, и я буду. Чего там. Делов-то...

Это Вадька Трюханов.

Отец его сидит (не без моей помощи), сам Вадька живет с бабушкой. Бабуля, кстати, у него мировая. Трюха наверняка ей скажет, что идет ночью со мной. Допустим, крабов ловить в темноте, на фонарик. И его отпустят. Я среди бабушек двора в авторитете. Сам не знаю почему. Догадываюсь – чувствуют они что-то про мой скрытый возраст. На подкорке ощущают, на жизненном опыте.

Вот и проникаются доверием.

– Все? Нет больше желающих?

Я обвожу взглядом каждого. И каждый сдувается – или отворачивается застенчиво, или пожимает плечами, мол, чего уж там, сам все понимаешь.

– Струсили, – с важностью констатирует Генка.

Годика через два-три за такое заявление он точно схлопочет по шее. Без вариантов. Но бывшие первоклашки пока миролюбивы как травоядные олени. Улица их пока еще не обточила как надо. Хотя стремление к возмужанию уже ощущается.

– Ничего не струсили, – возражает один из пареньков, – просто брешь ты все, Генка!

Ага! Получил, Федюхин? По федюхинским высотам? Это хорошо, что пока еще не по шее. Тем не менее первые признаки рождения системной оппозиции уже очевидны. Говорю же, вырастет молодая поросль! Мужает.

– Сам ты брешь! – взвился обиженный в лучших своих начинаниях Генка. – Не хочешь – не ходи. Только потом, как поймают тебя эти мыши, – не жалуйся нам!

– Мыши! Хи-хи.

– Заткнись, Димон. Мы сегодня ночью за всех пацанов района отомстим. Если случится чего... не вернемся если, значит... вы это...

– ...Считайте нас коммунистами, – не выдержал я. – Хорош трепаться, ребя. Давай по домам. Родителей еще надо уболтать...

А ведь это действительно проблема. Как же выйти ночью из дома?

Придумал же себе головняк на ровном месте!

Глава 2

Папа фон Ботвинник

Мой батя сильно устает на работе.

В детстве я этого вообще не замечал. Ну, приходит мужик со стройки – поужинал и на диван. Обычное дело. Как у всех. Мать постоянно подкалывала отца по этому поводу. Мол, «наездник диванный», «гигант плюшевый». Ссорились даже иногда. Батя, как правило, сначала лениво огрызнулся для проформы, потом обиженно шуршал газетами, демонстративно листал книжки, в конце концов поворачивался на бок, спиной к злопыхателям, и давай храпеть назло врагам.

Семи часов еще нет, а он спать. Странновато, конечно, с детской точки зрения, ведь на это время приходится самый разгар вечерних вкусняшек: Штирлиц, к примеру, по телику или какая-нибудь общественная затея во дворе. Там вообще каждый вечер происходит что-нибудь интересенькое, будь то день рождения у кого-нибудь или годовины, или крестины, а то и просто – банальное домино. Или лото, если верх берет женская половина. Шум, гомон, споры, смех.

А батя спать...

Сейчас, когда глазами ребенка все это воспринимает взрослый мужик, многое становится понятным. Да так, что порой к горлу подкатывает соленый ком. И это не только жалость. Это что-то большее. Быть может, гордость? Быть может, восхищение человеком, который стал для тебя главным ориентиром в этой жизни?

Сейчас я уже понимаю, что отец вкалывал как бешеный трактор не для того, чтобы срубить лишнюю копейку, хотя и получал прилично по общепринятым меркам – около четырех сотен в месяц.

Нет, дело не в этом. И не в том, что батю якобы изматывает бездушная советская система, превращающая людей в индустриальные винтики в погоне за химерами светлого будущего. Это бред. В этом советском времени о людях думают всегда и в самую первую очередь, железобетонный факт. Слово, которого из песни не выкинуть, как бы ни старались современные псевдолиберальные умники. Поэтому и масса кружков у детей, и стадионы, и пионерлагеря, у взрослых – турбазы, катки-бассейны, санатории-профилактории разные. И все это – дешево и доступно.

Ни при чем здесь система.

Просто мой папа НЕ УМЕЕТ ЧТО-ЛИБО ДЕЛАТЬ ПЛОХО.

Такое вот свойство характера. Не научили в детстве халтурить. В его голодном послевоенном детстве. Когда бездельники и сачки просто не выживали. И поэтому батя сейчас – естественным образом передовик производства. Что называется, «ударник коммунистического труда». И один из ведущих сварщиков целого стройтреста в свои неполные тридцать лет! Про него даже написаны две заметки в городской газете: «Новаторский способ обеспечения непрерывности сварочного шва», или что-то в этом роде. Тут я слабо разбираюсь.

А еще есть солидная куча всяких наградных медалек да значков, которые мать аккуратно подкалывает на красную бархотку, вышитую в форме выпела. Наш «красный уголок» в квартире. Чувствуете, где находятся истоки истинного патриотизма? В простых и обыденных на первый взгляд вещах...

Сегодня папа в восемь вечера был еще при памяти. И даже не собирался вырубаться.

Просто у нас появилась новая фишка, напроць отбившая бате страсть к преждевременному засыпанию: ОН С СЫНОМ ИГРАЕТ В ШАХМАТЫ!

А сын, зараза, большей частью выигрывает! Знамо дело – шахматный кружок во Дворце пионеров, не хухры-мухры. Ребенка отдали туда после весеннего запрета заниматься спортивной гимнастикой. Слишком высокий травматизм оказался у того мирного на первый взгляд вида спорта.

Вот шахматы – другое дело! И культурно, и безопасно.

А заодно и с сыном можно пообщаться.

– А если вот так?

– Это ты походил, пап?

– Пока нет...

– Если походишь, получится «защита Филидора».

– Ага. Вон оно как! Филидора, значит. А если, к примеру, этой пешкой?

– А этой пешкой у тебя выходит «латышский гамбит». Очень рискованный вариант развития для черных. Сложно играть. Не советую.

– Дружкам своим не советуй. На улице. Играю гамбит! Вот так вот. Латышский!

– Походил?

– А то!

– Тогда капец твоей пешке. На!

– Вон как ты, значит...

Больше всего батя нравятся высокоинтеллектуальные разговоры «за теорию» – какую партию, к примеру, он играет на этот раз. Предусмотрен ли шахматными мудрецами тот или иной вариант дебюта, который он на этот раз сам изобрел. И дикий восторг, если происходит попадание, в результате которого всплывает очередной мудреный термин – какой-нибудь «схевенингенский вариант сицилианской защиты».

Только попадания в такие крутые названия случаются до обидного редко.

Даже, наверное, не каждый день. Это вам не шов сварочный вытягивать. Будь он хоть трижды непрерывным. Большой частью на шахматной доске появляется дикая конструкция, в конечном итоге приводящая пытливого исследователя к неизбежному разгрому. С разницей лишь в том или ином количестве ходов.

Что называется: «Вас как, сразу прикончить – или желаете помучиться?»

Лучше, конечно, помучиться. Поэтому забыт осиротевший диван, стынет дважды уже разогретый ужин, а «плюшевый гигант» упорно рубится в древнейшую игру.

Между прочим, честно рубится. Отчаянно и безнадежно. Проигрывать батя не умеет. И не любит. Потому что, как я уже говорил, плохо ничего не делает. Это принцип. А я вот все-таки не до конца с ним честен. Опыта у меня все же больше – за счет прежней жизни, где я даже когда-то сдавал какие-то регламенты на спортивный разряд.

– Шах!

– Напугал ежа... А мы сюда!

– Еще шах!

– А мы еще дальше ходим!

– Шах! И мат заодно! Чтобы очень далеко не ходить.

– Как это?

Опять!

Сколько мы играем, столько и звучит это «как это?».

Как будто очередной папин проигрыш – событие экстраординарное и умом непостижимое. Требующее вдумчивого и критического анализа. Причем критического большей частью в отношении выигравшей стороны – где я не так походил? Нет, батя, разумеется, тоже выигрывает порой, но... это если мне уж окончательно надоест играть и я захочу избавиться наконец от этой черно-белой напасти.

Сегодня, к слову, мне пока не надоело. Ко всему прочему, есть у меня кое-какие виды на эту ситуацию. Сейчас, кстати, папа начнет прессовать меня на матч-реванш.

Никогда не сдастся!

– Ну что, сынок, еще партейку?

Что характерно, в этом «вопросе» вопросительной интонации – кот наплакал.

Потому что отказ не предусмотрен.

– Не-а.

Папа насторожился. Непонятно ему, что это – бунт на корабле или пока еще просто недо-разумение? Не слышалось ли?

– Как это? – Что-то перебор у нас сегодня с «каками». – Ты это чего, с отцом в шахматы поиграть не хочешь?

У бати аж голос непроизвольно дрогнул. На слове «поиграть». От невиданного кощунства, надо полагать.

– Хочу-хочу, – поспешил я его успокоить. – Только мама велела внеклассное почитать перед сном. Тургенева, кажись. Каникулы-то кончаются, а я и не читал еще ничего! Там список со школы – книг на сорок!

– Не дрейфь. Успеешь все прочитать. А маму я беру на себя, – заявляет опрометчиво шахматный неофит и двигает доску в моем направлении. – Давай расставляй. Теперь, чур, я белыми!

– Не, пап. Мама же! Пойду читать, – начинаю я подниматься со стула, фальшиво вздохнув при этом. – Сегодня, кажись, придется тебе в проигравшем состоянии ночку встречать.

Ну не змей ли я?

– Стой! Присядь. – Папа задумчиво проводит пальцем по черно-белым клеткам. – Ладно. Считаю, что уговорил. На что играть будем? На мороженое?

Имеется в виду, что ставки в игре, которой неожиданно «заболел» отец, категорически запрещены. Мамой, кто не догадался. Потому что нельзя с ребенком играть в азартные игры. Пусть даже это и будут приличные шахматы. Непедагогично!

Но батя, по всей видимости, хорошо завелся на этот раз.

– Ну как? Идет?

– Не-а. Не хочу мороженого. Эка невидаль.

– А что тогда? На что играть будем?

– А давай на интерес!

– Ты оборзел? А ремня по «интересному» месту не хочешь?

– Как скажешь. Ма-ам! Чего читать сегодня? Тургенева?

– Тише ты! Чего орешь-то? Люда! Ты чего, дорогая? Витька? Да он... сейчас... Партейку одну... Потом будет читать. Это, как его, «Муму». А как же! Ты иди-иди. Чего там у тебя так вкусно пахнет? Мм, объедение! Солнышко ты мое!

Усыпил все же бдительность хозяйки. Мать, явившаяся на мой зов, как тот Сивка-Бурка, последний раз окинула нас подозрительным взглядом, пожала плечами и скрылась на кухне.

– Чего хочешь? – сразу же взял папа быка за рога. – Только сильно не наглей!

– Хочу у бабушки сегодня ночевать! Можно?

Вообще-то не бог весть какая просьба.

Просто мои родители считают, что я чересчур зачастил с бабушкиными ночевками. Злоупотреблять стал, по их мнению. На самом деле мне кажется, что в них говорит банальная ревность. Дело в том, что в нашей семье фаворитом признания является мой младший пятилетний брат Василий. Солнце нации. А бабуля, как последний оппозиционер, предпочтение отдает мне, старшему и любимому внуку. И Василия не особенно жалует. Идет, получается, против линии партии, что слегка раздражает семейное руководство. Вот мне и подсовывают палки в колеса по поводу ночевки у бабушки. Из вредности. И под любым предлогом.

Последняя отмазка вообще оборжаться: «Не мешай бабушке устраивать личную жизнь». Нормально? И, кстати, аргумент не такой уже и фантастичный. У бабули есть реальный жених! Дед Вова, шестидесяти нетленных лет. Положительный во всех смыслах. И почти не пьющий!

– Ты бабушке жизни не даешь, – завел батя старую волынку. – Понимание же надо иметь! Теща ведь у нас... невеста же... гы-гы-гы...

– Очень смешно. Ты играть-то будешь? – вернул я батю с игривых небес на землю. – Выиграешь – я дома ночью. Проиграешь – иду к бабушке. Маму берешь на себя.

– Борзеешь, конечно, – задумчиво протянул отец. – Химичишь чего-то там опять. А, Витек? Какую новую шкоду удумал?

– Ничего я не удумал! – изобразил я обиду. – Не хочешь играть – не надо. Читать лучше пойду!

– Да ладно. Не буксуй. Только я белыми, как сказал!

– Валяй.

Отлично! Значит, сегодня ночью у бабушки. А там у меня – отработанный канал ночных самоволок.

Надежный и проверенный.

Глава 3

Димон... Он и в Африке Димон

«Тиха украинская ночь!»

А что? Формально мы живем на Украине. Хотя, если честно, ни у кого сей факт ни сожаления, ни тем более восхищения не вызывает. Давайте будем откровенны – по этому поводу у людей вообще нет никаких эмоций. Народу плевать на все эти тонкости. Ведь страна-то одна – Советский Союз. А как там эти умники накромячили административные границы – всем фиолетово. Не наше это дело. Украина так Украина, неплохой, прямо скажем, вариант. То, что все кругом разговаривают по-русски, – тоже никого особо не напрягает. Больше скажу: никто никого по этому возмутительному поводу «зрадником нації» не считает. Хочешь учить украинский – пожалуйста, учи. Достаточно только заикнуться. Я имею в виду – в школе, не поймите буквально. Тут же тебе организуют специальный класс, найдут учителей, введут дополнительные часы в школьную программу и так далее. Вчися, хлопчик, и будь щасливий.

Только знаете что? Почему-то никто не заикается.

Ну да ладно. Нет у меня особого желания впадать в политиканскую дискуссию. Бессмысленную и беспощадную, как русский бунт. Поэтому выражу свои восторги более политкорректно.

Волшебным очарованием дышит летняя южная ночь!

Да. Так точнее.

Наша крымская ночь действительно находится где-то рядом с магией. В воздухе витает непередаваемое ожидание чуда. Кажется, что здесь до волшебства рукой подать. Сказочные герои – и злые, и добрые – они повсюду: в шорохе листвы и пятнах света на асфальте, в стрекоте цикад и легком бризе с моря, пахнущем... Господи! Чем только не пахнет этот чудесный теплый воздух! Солью, фруктами, цветами... Чаще всего, наверное, кипарисом. Или розами. Или лавандой. Да что там! Эти ароматы можно перечислять бесконечно. Или вообще их не замечать, как это делают местные жители, давно уже привыкшие к чуду и смирившиеся со сказкой.

А я вот не желаю к этому привыкать! И смиряться не буду, и не просите!

Млея от удовольствия, я шагал по темным улочкам к месту встречи наших неадекватных поделщиков. Какое небо красивое! Звезды как горошины. Руку, кажется, протяни – посыплются в ладонь сверкающим водопадом. А ведь хорошо, что мы эту дурь выдумали, я имею в виду – ночную «охоту на ведьм». Я уже и забывать начал, какое это чудо – южная ночь. Эвон какая миленькая прогулка вытанцовывается!

Не замечаем мы этой простой и бесплатной радости вокруг нас. Ох не замечаем! И ведь не только ночных красот это касается. Здесь целая мировоззренческая проблема. «Что имеем, не храним...» – подходит? Приблизительно разве что. Или «За деревьями леса не видим». Да, так, наверное, точнее. Надо все-таки иногда останавливаться и смотреть в ночное небо. А для этого и нужно – всего-то выдумать дурацкое ночное мероприятие и... сбежать от бабушки.

М-да... Колобок хренов.

Зачем ночник-то перед уходом выключил? Кто просил? Уходя гасите свет? А ничего, что бабуля может всполошиться? Где-то умным себя считаешь, а где-то – тормоз тормозом!

Схема «самоволок» из бабушкиной квартиры элементарная. Для «переночевать» любимому внуку предоставляется целая комната с выходом на балкончик. Малюсенькая, правда, комнатенка, но разве в этом дело? Балкон весь зарос виноградом – великолепный «бычий глаз». Кроме того, что вкуснее винограда я в жизни не едал, ко всему прочему, у этого чудесного растения толстенная десятилетняя лоза, удобными уступами поднимающаяся на второй этаж «сталинки», где и располагается бабушкина квартира. Взрослого не выдержит, а вот

меня – милое дело! Достаточно лишь дожидаться, чтобы бабуля заснула (а сон у нее не по годам крепкий), и ты свободен до утра!

Если бы только не этот ночник!

Ой вы ручки мои шаловливые. Куда ж вы это на автомате-то потянулись? И сколько сэкономишь ты на электричестве, оптовик ты наш продуманный? Лопата не сломается грошики-то скирдовать?

Я с досадой потер затылок.

Опять эта шизофрения. Две личности в одной башке – серьезный диагноз. Один «косячит», другой «нудотствует». Помиритесь вы наконец когда-нибудь? Старый да малый.

Непроизвольно я приснул, представив себе эту парочку, сцепившуюся друг с другом в моей черепной коробке. Зачем-то схватился за рот – мол, как бы спящих граждан не потревожить. И из-за этой очередной своей несуразности уже просто заржал над собой в полный голос, отпуская в ночь скопившееся напряжение. Что-то шарахнулось в сторону в темном палисаднике по левую руку. Кошку напугал, что ли, своим хохотом? Или что там за зверь? Крупнее кто-то.

Интересно.

Я раздвинул ветви зловещего на вид кустарника и сунул туда свой нос. Да ерунда! Нету тут никого. Да и кто бы тут стал прятаться? Особенно от школьника-малолетки, чудом оказавшегося на ночной улице, причем без взрослых! И куда только родители смотрят?

Я скептически фыркнул и... все-таки на всякий случай еще прислушался. Тишина. Чудесная летняя тишина, наполненная треском насекомых, шорохом листвы и еле слышным дыханием ночного южного города: далекий шум одинокой машины, эхо сигнала с какого-то катера-полуночника да отзвуки веселой музыки, обрывками долетающей из вечно бодрствующих курортных зон.

Параноик чертов!

Развернувшись в сердцах, я что есть ног припустил к месту нашего ночного randevu. Тем более что, растворившись в романтике и сантиментах, я, кажется, слегка начал опаздывать. Еще подумают, что трусил. И тут же – хватъ последнюю мысль, как рачка, неосторожно высушившегося из ракушки: а кто это сейчас про «струсил» подумал – старый или малый? Да, блин, хорош уже! Хватит этих самокопаний. А то, глядишь, и до санитаров недалеко!

Раздосадованный и слегка возбужденный ночными впечатлениями, я пулей проскочил высокую стену летнего кинотеатра и выбрался на искомый пустырь.

Ага! Почему-то так я и предполагал – собрались все, кроме этого пустобреха Генки! Рыжий Славка, Вадька Трюха и – о чудо! – даже наш маменькин сынок появился – Димон, гроза разбойниц! Интересно, чего он там дома наплел?

– А я даже и не отпрашивался, – словно услышав мои мысли, гордо заявил Димка, – тихонько встал ночью, как в туалет, прокрался в прихожую – и деру!

– Молодец, – рассеянно похвалил я его и переключился на других двоих, которые, сидя на корточках, что-то внимательно рассматривали на земле. – Что у вас там? Уронили что-то?

– Булка! Пришел? А у нас тут знаки какие-то...

Булка – это я. Потому что фамилия моя – Караваев. И я действительно пришел, тут Трюха, капитан-очевидность, не ошибся. А вот знаки...

– Ну, чего у вас тут?

Я оттер плечом Славку-инодворца. Чужак все-таки, поэтому в нашей сопливой пищевой цепочке долён знать свое место. Так положено. Иначе сам без авторитета останешься!

Камушки какие-то, мелкие. Выложены в рядок. А, нет. В два рядка. И уголком в конце. С крылышками какими-то. А, типа стрелка! Стрелка?

– А как вы вообще это разглядели? В темноте этой?

Я подозрительно уставился на Трюху.

– А это и не мы, – как ни в чем не бывало заявил он. – Это Димон.

Я не увидел, а просто почувствовал, как полыхнули красным щеки Димона. О нем вновь говорят!

– Я просто... Камушек хотел... поднять... А тут...

Понятно. Камушки, жучки, травки-листочки, Димка всегда с чем-нибудь возится на корточках. Лишь бы стать ниже и не общаться с грозными собеседниками. Метода у него такая – отгораживаться от окружающих.

– А где Генка?

– А не пришел твой Генка! Мамочка, наверное, не отпустила.

Почему это он мой? Трюха попутал что-то?

Впрочем, в бутылку лезть – смысла нет. Надо разгонять эту ночную шайку, тем более что повод прекрасный – главный заводила отсутствует.

– Ладно, проехали. Давай, ребя, по домам, пока родители не хватились.

На меня изумленно уставились три пары глаз.

– А стрелка? – неуверенно напомнил Славка. – Она же не просто так. Она же что-то значит.

– Дети, может, играли днем, – предположил я, забыв на миг, что мы эти самые дети и есть. Тут же поспешил исправиться: – Я имею в виду, мальки детсадовские, дошкольники. Дошколота!

– А вот еще одна, – флегматично заявил Трюха, успевший пройти шагов пять-шесть в направлении, куда указывали камушки. – Стрелка. Мелом только нарисовали здесь. По асфальту. Гля!

Мы сыпанули в его сторону. Точно. Еще одна стрелка. И, кстати, метрах в десяти, в пятне фонарного света – третья, с изгибом, указывающая за угол летнего кинотеатра.

– Так, стоп, мужики!

Черт, «мужики» для восьмилеток как-то фальшиво прозвучало. Тут обращаются «ребя». Ну да ладно...

– Я думаю, это Генка все намалевал, – сказал я. – Только он один знал, что мы в этом месте собираемся встречаться.

– А другие... что с нами на великах катались, – неуверенно произнес Димон. – Они тоже знали.

Логично!

– Те знали, что их ночью не отпустят. Хотя...

Ну да. Если кто-то задумал над нами подшутить, вряд ли стал бы афишировать свои возможности. Получается, кто-то придумал эту каверзу еще там – на зеленом склоне? Когда Генка про ночных разбойниц нам всем втирал?

Зачесался затылок.

Вообще-то речь идет о второклассниках. Это, кто не знает, дети такие, которым всего восемь лет от роду. Какие тут, на хрен, интриги? Какие, к чертям, каверзы и расчеты? Самое большее – жука чернильного в ранец подсунуть. А тут – стрелки: «туда иди», «сюда не иди». Необычно как-то. И загадочно. И... действительно тянет разобраться...

Я, сцепив зубы, молча двинулся в сторону стрелок. За угол так за угол. Ага, еще одно художество. Эта стрелка указывает в темный проулок, между прочим. А там что – девчачья банда в полной красе? Как завещал нам великий Генка?

Чувствуя, что начинаю раздражаться на бестолковость ситуации, я направился в искомый проулок. Слышно было, как за спиной неуверенно семенит моя гоп-бригада. Молча, надо сказать. Дрейфим, мужички? Еще одна стрелка с поворотом. Изгиб указывает на подъезд какой-то двухэтажки. Впрочем, почему «какой-то»? Типовая, барачная, с деревянными лестницами и перекрытиями. Мы на дню мимо нее раз сто пробегаем.

А вот еще одна стрелочка. Поменьше. Перед самым подъездом. Показывает направо. В сторону небольшого спуска в подвал. И дверь там внизу слегка приоткрыта. Кажется, в глубине даже где-то свет включен. Кто же нас там ждет? Интрига!

Не задумываясь особо, я шагнул по ступенькам вниз.

– А можно... я тут... сверху останусь? – вякнул где-то сзади Димон.

Ему что-то буркнул в ответ Трюха, издевательски гоготнул и тяжело зашлепал вниз вслед за мной. Я, упершись ногами в пол, что есть сил потянул подвальную дверь на себя. Нехотя, с противным скрежетом она подалась и распахнулась чуть шире. Мы осторожно сунулись вовнутрь. Подвал как подвал. Где-то что-то капает. У дальней стены из-за угла мелькают пятна электрического света. Лампа там явно покачивается, видимо, на длинном проводе, свисающем с потолка. Справа шмыгнула беспризорная кошка. Слева гулко заурчала канализационная труба. Кому-то, наверное, приспичило там, наверху. Еще один полуночник.

– Вадим, проверь – может, тут какие-нибудь указатели есть. Стрелки там, камушки...

Я просто знаю, что у поджигателя Трюхи всегда на кармане есть коробок спичек. Ну правильно. Он уже ползает по грязному полу на четвереньках, подсвечивая себе огоньком.

– Не спали тут... что-нибудь, – с опозданием осознал я собственное легкомыслие.

Сзади со знакомым скрежетом шевельнулась подвальная дверь. Я оглянулся. Славка и Вадим здесь, у меня за спиной. Димон спускается?

Нет. Дверь еще раз скрежетнула зловеще и вдруг резко захлопнулась, подняв пылевую круговерть в лучах электрического света. Снаружи что-то глухо звякнуло. Запор?

– Димон! А в ухо не дать? – тут же предложил злоумышленнику Трюха, не вставая с колен. – А ну, открывай! Мы знаем, что это ты.

Ну я не был бы так категоричен. Только кто же еще, если не Димон? Трюха вскочил на ноги и гулко заколотил кулаками по крашеной жестянке, которой была обита дверь.

– Димо-о-о-он!

– Тихо, Вадька! Весь дом разбудишь. Дай мне.

Я отодвинул в сторону начинающего не на шутку нервничать Трюху и подергал за ручку. Точно, закрыто. И звуки какие-то непонятные снаружи – шорохи, топтания, повизгивания. Причем не у самой двери, а чуть сверху – у подъезда, видимо.

– Славка, а ну глянь там – ко второму подъезду проход не заколочен? Ну да, там, где свет от лампочки, туда иди. Давай мухой!

Куском доски я попытался отжать дверь наружу. Нет, плотно сидит в коробке, даже щели не видно. И запор, кажется, серьезный, надо думать – стальная полоса поперек. Убью Димона, если это его шуточки!

– Булка! Есть проход, не заколочен, – это вернулся разведчик Славка. – Дырка там, в кирпичках, не успели заложить, наверное. Я только... один дальше не пойду... там света нету.

Детский сад! Впрочем, а кто же они еще?

– Давай за мной, – окончательно взял я на себя руководство. – Да осторожней ты!

Это я Трюхе, который на радостях так шустро за мной ломанулся, что чуть Славку не затоптал в потемках.

Пачкаясь в пыли, мы пролезли в стенной пролом и, пользуясь типовой планировкой подвала, быстро вычислили коридорчик, ведущий ко второму выходу. Дверь там тоже была закрыта, но, на наше счастье, – без запора снаружи. Потому что с трудом, но все же подалась, издавая все тот же характерный скрежет. Двери-близнецы, блин. Однайцевые.

Я высунулся на свободу и огляделся.

Из приподвальной ниши многого не разглядишь. Поднялся повыше – никого. Только звезды безмятежно сияют в равнодушном небесном мраке. Шума тоже никакого нет. Только где-то недалеко щенок какой-то поскуливает еле слышно.

– Чего там? – дрожащим шепотом дохнул мне в ухо герой Трюханов, едва не повиснув на моей спине.

– Сейчас посмотрим, – поспешил я его обнадежить и шагнул на свет к подъезду.

И здесь никого.

А у соседнего подъезда, метрах в десяти от нас, кто-то сидел на стуле. Прямо перед крыльцом. Странно. Нашел время устраивать посиделки. И лампочка почему-то не горит, хотя перед нашим спуском в преисподнюю жизнерадостно пылала во все свои пятнадцать ватт.

Мы подошли поближе и в оцепенении уставились на невообразимую картину.

На стуле сидел Димон.

И был он к этому стулу привязан эластичным медицинским жгутом. Мы из такого рогатки делаем – в любой аптеке можно купить за тридцать копеек рулон. И повизгивал это, оказывается, не какой-то там посторонний щенок, а наш что ни на есть собственный подельник. Потому что рот у него был завязан какой-то тряпкой, и человеческие слова он произносить был не в состоянии. А вот глаза у него, вопреки его же прежним рассказам, завязаны не были, а, напротив, вытаращены и полны ужаса.

А еще у Димона в костюмном ансамбле явно не хватало одной детали. Немаловажной. Для настоящего пацана, имеется в виду. Димон сидел на стуле... без штанов. Сидел и легкомысленно светил во мраке гламурными труселями вызывающего кипельно-белого цвета, слегка подмоченными в некоторых труднодоступных местах. Мы в таких аксессуарах уже отмажались – в свое время и в разных там дошкольных учреждениях. Как водится, перешли теперь на суровые взрослые семейники. Ну или почти взрослые...

Я протянул руку и отцепил тетрадный листок в клеточку, пришпиленный к спине Димона какой-то дурацкой заколкой в виде Чебурашки. Там черным фломастером был намалеван череп с костями. Изящно, надо сказать, намалеван. Красиво и со вкусом. Точными и скупыми штрихами. Так дети не рисуют.

Но самым поразительным было то, что сверху к черепу с двух сторон были пририсованы... ДВЕ КОРОТЕНЬКИЕ КОСИЧКИ...

И все же добило меня не это.

Почему-то самым ужасным показалось то, что косички были нарисованы...

С БАНТИКАМИ!!!

Видимо, чтобы не оставлять никаких иллюзий.

В голове что-то напоследок звякнуло, как поломанное реле на старинной телефонной станции, связь со здравым смыслом оборвалась, и... стало пусто.

Мысль ушла.

Глава 4

Точно не Брюс Ли

– Мне кажется, вам это будет все-таки интересно.

Сергей Владимирович, наш бессменный Шеф – олицетворение невозмутимости. Ну просто Будда на прогулке. Специально нагоняет интригу на присутствующих, для чего даже не шагает, а буквально плывет величаво по направлению к выходу из спортзала, чтобы пригласить обещанного гостя.

Тот, я так понял, ожидает конца начальственной пантомимы в большом гимнастическом зале. Мы же терпеливо внимаем представлению Пятого в малом, тайном спортзале Дворца пионеров, который отдан в аренду органам безопасности. Или, скорей всего, просто отобран у красногалстучных ребяташек без всякой аренды. Мне это без разницы. Неинтересно. В конце концов, я тоже ребенок. По крайней мере, внешне.

Мне гораздо интереснее, кого Шеф привел на этот раз, – ведь «светить» нашу тройку кому попало сильно не рекомендовано. Спецподразделение, как ни крути. В которое полномочным членом входит вундеркинд-оперативник восьми лет от роду. Представляете, какой вой подымет зарубежная пресса, если узнает об участии несовершеннолетнего лица в деятельности силовых структур Советского государства? То-то и оно. Кому потом объяснять, что мне не восемь, а восемь плюс сорок девять?

– Там точно не Брюс Ли. Гарантирую. Китаец умер в прошлом году, – задумчиво произнес Сан-Саныч, мой второй инструктор.

Вообще-то инструктор он – постольку-поскольку. Для галочки. По факту он – командир нашего маленького отделения, зам Шефа в его отсутствие. Микроначальник. «Комод». Но, к моему вящему сожалению, педагогической деятельности он тоже не оставляет. Впрочем, как и проблемы собственного совершенствования.

То, что он сейчас ляпнул, – надо расценивать как юмор.

Всем хорош Сан-Саныч: подготовка, техника, низкий болевой порог, разнообразие стилей единоборств, да и неглуп, ко всему прочему, в экстриме – как рыба в воде, всегда принимает точное и единственно верное решение. Только с юмором у мужика – швах! И самое страшное, что Козет (это его позывной) прекрасно осведомлен об этом своем единственном, можно сказать, недостатке. Не без нашей, признаюсь, помощи осведомлен. И сей прискорбный факт его ни в коей мере не устраивает! Он страстно желает локализовать эту аномалию, выровнять изъян и научиться хохмить как все нормальные люди. Я имею в виду себя и своего партнера Ирину. Ну и Пятого, разумеется. Тот вообще известный комик.

И мучается Сан-Саныч над устранением своего темного пятна на солнечном лице, совершенствует свою слабую сторону: острит практически постоянно и повсеместно. По крайней мере, он так считает, что острит. И я вам скажу, иногда у него получается!

Правда, не в данном конкретном случае.

На что чутко реагирует Ирина, его критик и неумолимый мучитель:

– Саша, вот сейчас действительно было смешно. Без дураков. Я чуть не упи... чуть не упала со смеху. Ну надо же! Брюс Ли. И умер! Оборжаться.

Козет подозрительно прищурился. Правда оценила? Или опять подкальывает?

– Врет она, Сан-Саныч. Не верь, – вставил я свои пять копеек. По принципу добрый полицейский, злой полицейский. – Совсем не смешно. Грустно даже. Такой человек – и умер. Хотя... может, и не умер...

И кивнул в сторону выхода.

Вслед за Шефом в зал шагнул высокий мужчина лет сорока с выразительным длинным лицом, в котором явно усматривались восточные гены. Не Брюс Ли, конечно, но и не Иван-царевич. Одет в камуфлированный балахон полковой разведки военных лет, застиранный чуть ли не до дыр и даже, кажется, штопанный в нескольких местах.

Мы переглянулись. Колоритный тип.

– Знакомьтесь, товарищи. Это Алексей. Леш, это Саша, девушку зовут Ирина, а это Виктор, я рассказывал.

Слегка смущаясь, мужчина официально пожал каждому руку. Ладонь у него была узкой, сухой и твердой.

– Кстати, Сан-Саныч, своим позывным ты обязан именно Алексею, – огорошил Козета Пятый, – я тогда только познакомился с Лешей и, признаюсь, был под впечатлением. Чего и вам желаю.

– Ну да. Козет – это в наших краях, – сказал мужчина. – Аул напротив Краснодара, через речку. Там мы тренируемся. Летний лагерь опять же. Но, наверное, это лишняя информация?

Пятый неопределенно пожал плечами – мол, без разницы.

– Алексей у нас ненадолго. Прикомандирован для семинаров с силовиками. Ну и нам уделит пару часиков. Не так ли?

Мужчина кивнул, опять явно смущаясь. Странный он какой-то. Не от мира сего.

– Ну ладно, не будем терять времени, – стал расставлять Шеф точки над «i». – Сан-Саныч! Давай на татами. Остальные смотрят и оценивают. Алексей, начни с азов. Саша, пока не в боевом режиме.

Резонное замечание.

В боевом режиме спаррингов не бывает. Настоящая схватка – это от силы два, самое большее три удара. Если ударов больше трех, это явный признак того, что работают голимые дилетанты. В реальности каждый удар по умолчанию смертельный. Или – надежно выводящий противника из строя. Если твой удар попадает на защитное движение – считай себя трупом. Потому что в ответ на твой промах к тебе прилетит смерть. И заново свою защиту построить ты уже никак не успеешь, так как на противохвате тебе это сделать просто не позволят. А сам ты до конца уже вложил в свой первый удар – на повторный ответ ни сил, ни времени уже нет. Ну а если все же успеваешь что-то сделать, значит, твой противник – далеко не мастер. Тогда странно, почему он не умер после твоего первого движения. Вероятно, потому что ты сам... лох. Вот такая суровая правда боевых реальных, а не киношных, единоборств.

Еще чуток отвлекусь для примера.

Как вы думаете, кто в боевом режиме возьмет верх – мастер спорта по волейболу или современный каратист? При условии, что оба своими видами спорта занимаются одинаковый промежуток времени. Скажем, год. Вы не поверите! Хотя и парадокс, но правда: у волейболиста в такой схватке – подавляющие шансы на успех. Почему? Да потому что у мастера спорта по волейболу – на вооружении только один удар, и он по-любому поставлен профессионально. И пока приверженец японского искусства будет думать, какой из блоков ему продемонстрировать, волейболист просто вцепит ему конкретного леща – как по «свече» над сеткой: быстро, точно и в данном случае смертельно. Так, что позвоночник в трусы ссыплется. И справиться с таким ударом будет невозможно, потому что стаж тренировок у противников одинаков. А бить научиться (особенно в волейболе) можно гораздо быстрее, чем строить защиту «на автомате», на интуиции, на инстинктах, как этого требует настоящее мастерство «пустой руки».

Впрочем, бывают и исключения. Особенно в реальных схватках в боевом режиме.

Мне ли этого не знать?

Это все к тому, насколько тонким и своевременным было замечание Пятого.

– Я попрошу нанести мне правый боковой в голову, – немного застенчиво попросил мужчину, как просят передать билетик в автобусе на компостер, и тут же пояснил: – Просто на

практике система мало обкатана, больше в спортзалах да лагерях. В реальных условиях я могу вовремя не среагировать.

– Пожалс-та, – коротко буркнул Козет и двинул Алексея в челюсть.

Точнее, попытался двинуть.

Его противник вдруг испуганно (как мне сначала показалось) вжал голову в плечи, поднял левое плечо и слегка крутнул им так, что кулак Сан-Саныча пришелся по касательной. Сразу же, словно потеряв равновесие, Алексей всем корпусом навалился на поворачивающегося Козета и как-то мягко повалил его на татами.

Козета? Повалил?!

Так не бывает. Чтобы свалить моего инструктора, Пятому порой приходится минут десять попотеть на ковре. А тут с одного удара? Да, собственно, даже удара-то никакого и не было.

– Ты болевой обозначил? – хмуро уточнил у Алексея Сан-Саныч, поднимаясь в новую стойку.

– На локоть и на плечо. Два вектора и крутящий момент. Я только прикоснулся. Потому что с твоей силой...

– Я понял, – не очень вежливо перебил Козет, – чем сильнее бью, тем быстрее вылетит кость из суставной сумки. За счет моей же собственной энергии.

– Правильно, – улыбнулся Алексей, и длинное лицо его вдруг стало смешным и обаятельным, с детскими ямочками на щеках и сморщенным носом.

А мужичок-то – увлеченный человек! До самозабвенности. Нравятся мне такие: именно из них получаются настоящие мастера. Теперь и смущение его становится понятным – не хочет лишний раз демонстрировать свое превосходство. А оно реально существует!

– А ну давай еще раз.

– Только я другую защиту покажу.

– Давай-давай, – начал входить в азарт Сан-Саныч. – Мне снова справа боковым?

– Угу...

На этот раз кулак Козета вообще не встретил никакого препятствия. Алексей чуть качнулся назад, слегка шлепнув снизу ладонью по летящему локтю Сан-Саныча, потом вдруг упал всем корпусом вперед, зацепил рукой впереди стоящую стопу Козета, а плечом надавил на всем нам известную болевую точку на голени. Оригинально! Мой инструктор опять оказался лежащим на татами. Опыт, конечно, сказался: падая, Козет на автомате попытался пнуть лежащего противника свободной от захвата ногой, но Алексей, видимо знакомый с этой опасностью, просто перекатился чуть в сторону. Даже я понял, насколько уязвим был Сан-Саныч в этом эпизоде. В самых разных проекциях. Продолжений на финальное поражение могло быть с десятков. Только Алексей не обозначил ни одного. Из вежливости, видимо. Козет и так все понял отлично.

– В чем принцип? – сразу же ухватил он суть, точнее – направление, где эта самая суть прячется.

– Чуть позднее, – лаконично ответил Алексей. – Прямой захват давай. За грудки, как говорят в народе.

– Давай, – разлакомился Сан-Саныч и тут же ухватил противника за балахон.

Из-под Алексея будто опору выбили. Точка захвата оказалась центром вращения чего-то, похожего на карусель. Ногами вперед Алексей нырнул вперед и влево, повиснув на захвате Козета всем телом и запрокидываясь назад. Естественно, мой наставник не выдержал такого веса и нырнул вперед, спотыкаясь об Алексея и теряя равновесие. А его противник, закручивая этот аттракцион в воздухе, еще и ускорил падение Козета правым коленом в область печени. И крутящий момент закончил двумя пятками сверху вниз – прямехонько в голову лежащего Сан-Саныча. Естественно, только обозначил. Да так ладненько все это получилось!

Козет даже охренел, по-видимому. Как пацана сопливого! Вскочил весь красный от стыда и азарта:

– Давай дальше!

– Захват двух рук. Сверху.

И... Козет вновь полетел на ковер. Где-то я уже это видел. Прием, похожий на «липкие руки» стиля вин чун. Которому в юности и учился Брюс Ли. Только более лаконично, без излишеств. Но до чего же действенно! И захват на болевой в области кисти – как финальный аккорд. Здорово.

Сан-Саныч за прошлый год столько не валялся на ковре, как за прошедшие полчаса. Азартно сопя и яростно вращая глазами, он напирал и напирал на Алексея. И вновь летел к грунту. Или плавно опускался – на изломе руки или ноги.

В какой-то момент Алексей перестал заказывать нападение, и Козет самостоятельно выбирал начальную атаку. То есть пошло уже что-то похожее на полноценный спарринг. И непохожее совершенно. Потому что состояло это действие из коротеньких фрагментов: атака, защитное движение, атакующий повержен. И по новой.

И не лень же Сан-Санычу натирать брезентуху своим телом!

Но какое шоу!

За такое представление многое можно отдать. Сколько же у нас пробелов, оказывается, в нашей технике! И какие у Алексея простые и действенные методы. И еще они кажутся... родными, что ли? Исконными. Естественными и органичными. Так, наверное, наши предки сражались. Смотришь и поражаешься – ведь знал же, чувствовал, что так можно. Почему сам-то раньше не додумался? Настоящий русский бой, без чуждых нашему человеку блоков, прыжков и разной другой восточной экзотики.

И... кажется, я знаю, что это за мужичок. Есть догадки – родом из будущего.

Знаю, но пока оставляю эти знания при себе.

– Так, все, ребята, закругляемся. Время. У Алексея поезд через полтора часа. Саша! Совесть имей! Человеку перед отъездом в порядок себя привести нужно или нет? Вот так-то.

Понятное дело. Сан-Саныч краев не знает, когда дело касается тренировок, приемчиков разных невиданных и всякого иного мордобоя. Смотреть жалко сейчас на моего наставника – будто кислород человеку перекрыли. Того и гляди кондратий сейчас обнимет. И это притом, что больше часа его возили сусалами по татами. Все мало!

Самое примечательное – и в этом я могу дать самую что ни на есть железобетонную гарантию, – Козет прекрасно запомнил абсолютно все показанные на нем движения. До мелочей. В этом он как надежный и проверенный компьютер – ничегошеньки не упустит. А еще и разовьет, и усовершенствует на свой лад. Есть такой талант у моего инструктора.

К слову, вы думаете – случайно он про Брюса Ли вспомнил? Ага, щаз. Учтите: в данную временную эпоху в отечественных кинотеатрах, на секундочку, фильмы с этим мастером не показывают. И эра видеомагнитофонов с пиратскими кассетами пока еще не наступила. Впрочем, здесь все просто – нужную киноподборку Козету удалось раскопать в авгиевых завалах Конторы, что уже само по себе – очередной подвиг Геракла. Но этого мало! Сан-Саныч после этого в течение какой-то пары недель практически полностью овладел навыками так называемого Джит Кун-до, стилем «Опережающего кулака», который и создал Брюс Ли, ставший после этого любимым киногероем Козета. Разумеется, после Вячеслава Тихонова и Георгия Жженова – Штирлица и разведчика Тульева никто не отменял! Даже Маленький дракон не смог их переплюнуть.

А тут свой Брюс Ли!

Да что там, круче! Наш-то оказался гораздо проворнее. Да и эффективнее! И... о горе!

Как мало времени отмерено природой... И сердцу горе там, где жгучей страсти нет... Хоть в иступление душу в клочья изуродуй, – все тщетны помыслы, прощай, надежды свет...

– Саныч. Але, Александр! Ты в порядке? Стихи, что ли, сочиняешь? Тебе человек руку тянет, попрощаться хочет. Сам очнешься или в чувство тебя привести?

– В порядке я, – буркнул Козет, пожимая на прощанье руку Алексея. – Ты это... Спасибо, короче, Леш. Будешь, типа, еще в наших краях... того, заходи, в общем...

Цицерон! Ему бы действительно стихи писать.

Ежу ясно – Сан-Саныч находится в состоянии грогги, как после пропуска хорошо поставленного боксерского удара. И от впечатлений нового стиля, и от того, что новую игрушку так быстро отобрали. Коварно и вероломно. Ну ведь не все же приемы Алексей успел показать, ох, не все! И вот выходит уже навсегда из спортзала, взмахнув на прощанье усталой рукой...

– Чайку не хочешь, Сан?

– А?

– Чайку, говорю, не хочешь ли...

И глазками наивными – хлоп-хлоп.

Ирина – само сострадание. Не женщина, а просто Мать Тереза. Вселенная добра и сочувствия. Для всех, кто ее не знает. Или знает, но... недостаточно хорошо. Или на мгновение расслабился...

– Хочу, Ириш...

– Тогда и мне завари. Пока мы со Стариком новые приемчики поотрабатываем. Лови!

Сан-Саныч аж забыл, отчего только что рефлексировал. Не глядя поймал пачку с чаем и замер в новом оцепенении. Теперь уже по другому поводу. К счастью, не такому фатальному, как прежний: просто новая дилемма образовалась – обижаться ему сейчас или нет? Ирина, конечно, язва, но и психолог отменный, ни отнять ни прибавить. Одно утешение – чай, гляжу, не хухры-мухры какой-то, а настоящий цейлонский «Махмуд»! Явно загранка подогнала.

Хорошие у Ирины знакомые!

Что, кстати, Козету тоже как серпом... по нервам.

Не его сегодня денек, ох, не его!

– Ага! Чайковский! – заметил вернувшийся Шеф пачку в руках у Козета. – Мне тоже стаканчик. Только сахара не наваливай, как обычно. Лимон там найдешь, я на тумбочку, по моему, бросил.

Сан-Саныч что-то утробно рыкнул в ответ, скривился, но все же потопал в сторону электроплитки. Мы с Ириной переглянулись и прыснули.

– Да. Смешно, – с абсолютно мрачным видом констатировал Сергей Владимирович. – Давайте-ка, юмористы, подгребайте понемногу все к диванчику. Почаевничаем, потолкуем да о делах наших скорбных... покалякаем...

Это он у меня «слизал». Имеется в виду – цитату Горбуна из «Места встречи». Я как-то ляпнул на досуге, а ему и прикипело. Теперь Пятый и «калякает» всюду, где надо и не надо. Одно интересно – как наш Шеф отреагирует на появление меньше чем через год первой публикации «Эры милосердия»? Братья Вайнеры для него – наше все! А ведь он ее прочитает, к гадалке не ходи, в числе первых причем. А там – его любимое выражение. Хотел бы я на него полюбоваться!

– Ну, где там чай?

– Не вскипел еще...

– Ладно. Тогда слушай там. Новая вводная у нас, товарищи. И отнестись к ней прошу предельно серьезно. Без традиционных «хиханек». С вездесущими «хаханьками». Всем понятно?

– Понятно, Сергей Владимирович.

– Угу.

– А то!

Шеф по обычаю пристально уставился на меня, что-то напряженно обдумывая. Наверное, с чего начать?

– Старик! Тебе новый стиль борьбы понравился?

«Старик» – это мой позывной. Сам придумал. С претензией на оригинальность.

– Неплохо, прямо скажу. Очень неплохо.

И прямо щекой почувствовал, как обжег меня негодующим взглядом Сан-Саныч, одиноко тоскующий возле тумбочки с электроплиткой.

– На что похоже? – не отставал от меня Пятый.

– Фу-ух! Ну, айкидо есть. Немного джиу-джитсу. Вин-Чун, в смысле – у-шу, мягкие стили. Тайцзи-Цюань чуток. Но главная особенность – весь этот «компот» как бы унифицирован. Упрощен и примитивизирован для более легкого использования. Можно сказать, адаптирован для славянского телосложения и менталитета. Когда-нибудь его назовут типичным вариантом или образцом «русского боя».

– «Русский бой», – задумчиво повторил Пятый. – Похоже. Очень похоже. Согласен, Сан-Саныч? Ладно, можешь не отвечать, а то... кипяток расплещешь.

Мы с Ириной вновь переглянулись, но ржать на этот раз не стали. Просил же человек!

– Такая, значит, информация появилась. Из горотдела МВД, – добрался наконец до сути начальник. – За прошедшую пару месяцев наши местные хулиганы несколько раз прилично так огребли от неизвестных малолетних лиц. От подростков, кто не понял. Все потерпевшие указали на странные приемы и непривычный способ драки, коими их «контрапутили» неизвестные бойцы. Находящиеся, надо сказать, как правило, в вопиющем меньшинстве. Зафиксирована даже одна драка, в которой боец самолично справился с пятерыми великовозрастными балбесами. Лет двадцати – двадцати пяти. Возраст балбесов, кто не понял. Вот так.

– А что? Вполне возможно, – буркнул Козет, разливавший из ковшика чай по стаканам. – Ай! Горячо, блин. Это... если от защиты плясать... и перемещаться «по тройке»... плюс метода, которую Алексей показал... запросто!

– Согласна, – подтвердила Ирина, – ничего сверхъестественного.

– А мы-то здесь при чем? – встрял я. – Ну, драки, новый стиль, истребители хулиганов – это все приятненько. При чем здесь государственная безопасность?

– Смежники взяли одного такого бойца, – словно не заметил моего вопроса Пятый. – Точнее, тот не стал удирать, когда на драку прибыл наряд милиции. К тому же парень был с девушкой. У одного из четверых нападавших оказалось холодное оружие, и он ранил прохожего. Из-за чего, собственно, парень и ввязался в драку. И стал свидетелем по уголовке – не с руки, стало быть, убегать...

– Вот чай...

– Саша, милый, сядь рядом со мной и слушай. Да, здесь. Ну, Сергей Владимирович, и что рассказал этот герой?

– Это ты точно, Ирина, заметила. Герой. И не только потому, что раскидал четверых вооруженных кретинов. А потому что смело и открыто рассказал про одну подпольную и, на мой взгляд, очень опасную организацию.

– Антисоветчики? – критично поинтересовался я.

– В том числе.

– Приплыли, – буркнул я, стараясь быть неслышанным.

М-да. Именно этого я и боялся. Год без малого. С того самого момента, как познакомился с Сергеем Владимировичем и веселыми ребятами из Комитета. Все ждал и ждал, сон потерявши, – когда же мы диссидентами займемся да разными другими борцами за демократические ценности в Советском Союзе. Походу, дождался...

– На первый взгляд – это обычная спортивная секция, в которой подростки, да и пацаны помладше, изучают туризм, скалолазание, основы выживания и все такое прочее. Подпольная. Среди прочих предметов изучения – борьба, очень похожая по описаниям на методику Алексея. Собственно, для этого я его с вами и познакомил.

Короткий и оценивающий взгляд в сторону Козета. Мол, жив там, курилка?

– Хорошая метода, – буркнул тот. – Только сами пацаны до нее дотумкать не смогли бы. Это точно. Учитель должен быть.

– Вот! – восхищенно повернулся в сторону Козета Шеф, да еще и пальчиком тыкнул в небо, указательным. – Вот! Вот именно, Сан-Саных! Ну прямо в точку! Есть такое дело. В смысле – есть учитель. И даже есть его описание – мужчина лет двадцати трех – двадцати пяти, среднего роста, среднего телосложения, волосом черен и прекрасен, в смысле – волос долог, ум... короток. Завязывает сзади в хвостик. По одежде – типичный хиппи.

– А имя есть?

– Есть и имя. Некто Богдан. Богом данный. Недаром местом встреч и тренировок выбрал пещеры заброшенного скального монастыря. В Инкермане который, ну вы знаете.

– А что еще?

– А еще то, из-за чего наш свидетель, который тусовался с этой группой больше года, в конце концов решил порвать с ними и, что называется, «спрыгнул с темы». Хотя приемчиков не забыл. Парня испугали душеспасительные беседы этого пресловутого Богдана про русский патриотизм, историю Великого славянства, про царей русских, Рюриковичей да Романовых. Да с таким материалом, с его слов, что ни в какой библиотеке не сыщешь. За бугром разве что. Соображаете, что к чему?

– Типичный подрыв социалистической идеологии, – может быть, излишне показушно констатировал я.

И Пятый моментально это просчитал:

– Напрасно юродствуешь. Есть все основания для начала разработок. Я имею в виду – средствами нашей конторы. К тому же есть и еще нюансы.

– Какие?

– Я уже вскользь упоминал. Свидетель особо подчеркнул – бывало, что в секции появлялись совсем уж малолетние ребята. Серьезные, умненькие, но... очень уж юного возраста. По описаниям – вундеркинды какие-то, прямо как наш Старик.

– Ну, это уж вряд ли...

– Да, Сергей Владимирович, таких вундеркиндов, как наш Старичок, уж точно больше не бывает, – подключилась Ирина.

С учетом того, что она в курсе, кто я, и с учетом того, что об этом наверняка уже доложено Шефу, – прозвучало двусмысленно.

– Возможно, – рассеянно и как-то очень легко согласился Пятый, – тем не менее букет получается изрядный: борьба, альпинизм, история монархии и... дети!

– Дети Индиго, – сорвалось у меня непроизвольно.

– Как-как? – живо заинтересовался начальник.

– Ну, Индиго, – стал я неохотно объяснять, – цвет такой, темно-фиолетовый, считается, что если в ауре человека, а тем более ребенка...

– Годится! – перебил меня Шеф, не дослушав (а зря, между прочим) экскурса в популярную эзотерику. – Принимается как рабочий шифр. Значит, литера «Индиго» будет обозначать высокоинтеллектуальных детей, приобщенных к законспирированным структурам. Именно по ним и работаем.

Пришло мое время пристально рассматривать начальника. Молча.

Он тоже молчал и не отводил глаз.

По детишкам, значит, работаем. По таким же, надо полагать, как и я. Вот оно, значит, как.

– А как же Богдан? – вкрадчиво поинтересовался я. – Он, получается, не основная наша цель?

– И Богдан основная, – не моргнув глазом включил дурака Пятый. – И Богдан, и секция его, и все участники этого подпольного кружка, включая... «Индиго». Все!

Ну-ну. Сделаем вид, что поверили.

Но зарубочку в памяти надо оставить – не ищет ли Пятый моих аналогов в природе? Делая при этом вид, что не в курсе, кто я есть на самом деле. По крайней мере, становится понятно, почему он не афиширует своей осведомленности по поводу меня.

Так-так-так.

Ох и непросто работать с гэбистами! Ох и непросто...

– Так, ладно. О делах наших скорбных... Козет. Догоняешь Алексея или ловишь его в общаге, рассыпаешься в благодарностях, оратор ты наш несравненный, провожаешь на поезд, а заодно между делом интересуешься про учеников. Со мной Леха эту тему деликатно замял. Ты же, Сан-Саныч, знаю, с него не слезешь. Хватай все, что можно нацедить, – имена, пароли-явки, особенно про тех, кто, может быть, в наши места мигрировал. Особо! Понятно?

– Угу. Я полетел.

– Давай. Ирина, дуй в архив, поднимай все дела про монархистов, славянофилов и прочую нечи... (косяк в мою сторону)... не... не часто они, к сожалению, нам попадаются. Но ты все равно перешерсти. Меня интересует, откуда это Богдан материал брал. Про древнее славянство. Связи опять же с иностранцами глянь и так далее.

– Понятно.

– А у тебя, Старик, каникулы заканчиваются.

– Как это?

– Хватит бездельничать дома, ты мне здесь нужен. На разработке... «Индиго».

– А...

– А отца твоего сегодня пригласили в профком и предложили за полцены путевку. Детскую. В пионерлагерь.

– В «Ласпи»?

– В «Ласпи» мама твоя очень легко может добраться. В «Горный». Туда после автобуса еще три километра пешком. В гору. По серпантину. Справа скала, слева ущелье. Мама твоя высоты не боится, случайно, как ты?

– Не боится, – разочаровал я начальника, – и три километра для нее... не крюк. Я просто ее по-хорошему попрошу, чтобы сюрпризом не приезжала. Или вообще не приезжала. Только я все равно не гарантирую...

– Ты уж попроси. Ну а сам – по старой схеме: ночуешь здесь, питаешься в буфете, и... нащупай мне этот загадочный кружок спортсменов-неформалов. Нашупай и попробуй внедриться.

– Задачу понял, начальник.

– Старик.

– Да?

– И меня действительно очень интересуют... эти «дети Индиго». Тут ты меня правильно понял.

– Вы даже не представляете, насколько... правильно.

– Надеюсь на это.

– Можете на меня положиться.

– Принято. Все. Давай дуй к мамочке.

Ну вот. А мне казалось, разговариваем почти как взрослые люди.

Ан нет.

Глава 5

Солдат удачи

Теперь к нашим ночным приключениям.

Пять баллов! Не меньше. По пятибалльной шкале, разумеется.

В восторге снимаю шляпу перед неизвестным (пока) автором. Прикол удался на все сто. Я оценил. Именно прикол! Шутка. Розыгрыш. А что, кто-то рассчитывал, что я действительно поверю в происки зловещих ночных валькирий? Или в это поверит кто-то из наших участников?

Хотя...

Тут, наверное, не стоит ставить все фишки на один цвет. Я ведь даже и не поинтересовался тогда у своих поделщиков о произведенном на них впечатлении. Взял на всякий случай со всех слов не трепаться, а что они думают по поводу связанного Димона – и не спросил даже.

А ведь точно!

Испуганные пацаны могли и поверить в юбочных разбойниц! Они ведь реально тогда перепугались. Это было видно. Особенно Димон, со своей подмоченной репутацией. Не в этой ли плоскости и лежала задумка этого весьма незаурядного розыгрыша? Тут надо поразмыслить.

Так, по порядку.

Из показаний носителя гламурного нижнего белья: Димон услышал сзади еле слышный шорох, стал оборачиваться, и тут кто-то схватил его за шею. Пальцами. Сильными пальцами, со слов потерпевшего, хотя для Димона, надо полагать, любые пальцы покажутся сильными. Особенно ночью и в темном переулке. Кто там был сзади – взрослый или кто поменьше, – Димон не понял. Заснул. Пережали сонную артерию.

Прием простой, но ребенок едва ли смог бы такое исполнить.

С другой стороны – зачем это взрослому?

Он дебил, что ли, душить ребенка? Непонятно. Возможно, злодеем мог оказаться подросток лет четырнадцати-пятнадцати. И по физическим параметрам подходит, и умственно еще не очень далек. Что ж, вполне соответствует условиям задачи, хотя у такого подростка тоже должна быть пусть и минимальная, но какая ни на есть подготовка в плане единоборств. Допустим. И тогда возникает резонный вопрос – а кто же все-таки этого подростка «зарядил»? За ним кто стоит и кто это вообще все затеял? И главное – зачем?

Впрочем, одну из предполагаемых целей я уже назвал – напугать присутствующих и заставить поверить в Генкины бредни про девчачьи банды на ночных улицах. Если так, то вновь упрямо всплывает тот же самый вопрос – ЗАЧЕМ?

Кому нужно, чтобы Генкина легенда получила реальное подтверждение?

Может быть, самому Генке? Который, к слову, к ночному выходу «на дело» не явился самым возмутительным образом. Предположение, явно лежащее на поверхности. Чересчур явно. Все слишком нарочито и демонстративно. Словно глянцевого рисунка на обложке, специально подсунутый под самый нос.

Кстати, о рисунке. Чуть не забыл.

Как я сразу отметил, нарисованный череп с косичками – явно не детская мазня. Возможно, опять-таки работа подростка, но как минимум – с хорошей школой изобразительного ремесла. В городе, кстати, есть парочка искомых студий. Возьмем на заметку.

Но важно не это!

Нужно понять, что послание на тетрадном листке ну никак не могли нарисовать на месте ночных событий. Сами посудите: нет ни условий, ни света, ни ровной чистой поверхности поблизости. А значит – рисунок приготовили ЗАРАНЕЕ!

Чувствуете, куда я клоню?

К тому, что розыгрыш был тщательно распланирован, подготовлен и четко реализован. Как по нотам. И знаете что? В этот сектор моих рассуждений подросток уже никак не вписывается. Не дорос мозгами. Налицо – злая воля ВЗРОСЛОГО СОЗНАНИЯ, дебил там он или не дебил. Мы, на свою беду, столкнулись с грамотным и продуманным менеджментом, как говорят в наши дни. С классической интригой, как говорили веком раньше, тонкой и оригинальной. Вкусной, я бы сказал.

А ведь чувствую – не будет мне покоя, пока досконально не разберусь в этом тумане. Хочу познакомиться с автором, аж свербит. Зацепило как-то.

Генка, говорите?

А для начала пусть даже и Генка. Начну-ка я копать в этом направлении.

Любим посмеяться? Хорошо. Мы тоже!

Поглядим, кто же хихикнет последним...

– Генка! А ну, стой!

– Ах, ты так? Бах! Бах! На, получай! Вжить-вжить! Мимо! Промазал, говорю! Булка? Тебе чего? Подожди, мы тут играем... Бах! Бах! Попал! Падай! Падай давай! Убит!

Господи! Неужели и я в восемь лет был таким же кретином?

– А ну, стоять!

– Бах! Бах! Ай! Ты чего, Булка? Больно. Больно же!

– Пацаны, все! Гендос убит. Я его... в реанимацию сейчас провожу. Может, и откачают. Пошли давай, жертва шрапнели.

– А-я-яй! Пусти-и! Пусти, я сам пойду!

Я чуть ослабил захват Генкиной руки, но отпускать полностью не стал. Вот сюда, за угол дома. Здесь у нас операционная.

– Ты чего ночью не пришел, лишенец? – сразу же на ходу начал я допрос, как и положено, сначала с малозначительной его части. – Натрепал с три короба, значит, заварил кашу, а мы расхлебывай?

– Тебе че надо? – попытался выдернуть руку Генка. – А? Ты че, не понял?

Он даже попытался толкнуть меня после озвучивания этой «формулы драки». Так сказать, типовой вербальной завязки, после которой обычно нужно немного потолкаться под дублирование озвученных ранее фраз, а потом с азартом начинать квасить друг другу носы.

Ну да. Генка на пару сантиметров выше меня, да и слегка потяжелей, извиняюсь за оксюморон. Потяжелей килограммов эдак на пяток, не меньше. По всем признакам – явный носитель решающего физического преимущества.

Да только обычного петушиного наскока с толчком у него не получилось, – руки-то из захвата я все же на всякий случай не отпустил, и толкать ему меня пришлось как-то боком, да еще и одной рукой. Смазанный какой-то дебют. «Латышский гамбит».

– Ну ты че... не пф-ф...

Я чуть сильнее нажал ему на локоть и, стараясь быть максимально деликатным, легонько закрутил его по нисходящей дуге к грунту, где и зафиксировал в лежащем состоянии, прибавив к захвату немного жесткости и взяв дополнительно на излом еще и кисть задранной кверху руки.

– Ап-пулка... Булк... Все... Все! Сдаюсь. Пусти, Витек!

– Готов к разговору?

– Ап-пф... Пусти...

Я отпустил Генкину руку, помог ему подняться и даже в качестве примирения несколько раз отряхнул ему песок с плеча.

– Чего ночью-то не пришел? Родители, что ли, не пустили? – стал настраивать я беседу на миролюбивый тон. – Даже Димон был. Удрал ночью от своих. И на пустырь.

– У меня это, не получилось, короче. – Генка зачем-то потер себя сзади чуть ниже спины. – Батя просто возле двери поймал. Ночью. Я только-только дверь открывать начал. Ремнем как дал! Два раза. Или три, кажись. Показать?

– Девочкам будешь свои ордена демонстрировать. Когда попросят.

– А ты приемчик мне еще покажешь? Вот этот, с рукой. Вжик... и мордой в песок!

– Если вести себя плохо будешь.

– Не. Я в смысле...

– В коромысле! А ты знаешь, что нам пришлось всю ночь разбойниц твоих искать? По всему району. Как стаду бодрых дебилов!

– Кого?

– Кого надо! «Это нога у того, у кого надо нога»...

– Чего?

– Я ж тебе и объясняю, – взял я Генку за пуговицу и стал разгонять нагнанный мною же туман. – Девку мы одну поймали. Той самой ночью. Под утро уже. Знаешь кого? Не поверишь. Ту самую Катку... Мокрушницу. Что ты нам у оврага показывал. Помнишь?

– А-а... ту? И... че она?

– А ниче! Было грустно и горячо! Никакая она не Катка. Тем более не Мокрушница. Вдул ты нам... в уши, Ген-н-дос! Покривил душой, как последний... поц. Надавать бы по твоим шикарным ушам...

– Не надо. Если не Катка, то... к-кто тогда?

– Ты чего, издеваешься?

– Не... и не думал даже...

Как-то быстро «сдулся» клиент. Ни споров, ни возмущений. Хоть бы отмазку какую-нибудь придумал достоверную. Или новую легенду...

– Давай, сказочник, колись, придумал все про девок?

Генка тяжело вздохнул.

– Обещаю, никому не скажу, – заверил я его, – слово пацана.

– Придумал, – еле слышно буркнул Генка, потупя очи свои бесстыжие и елозя ножкой по песку.

Будто я этого не знал.

Да только Генкино признание сейчас дает ему хорошее алиби. Простое и надежное. Получается, что не имеет он никакого отношения к этим ночным постановкам. Не в курсе он. Иначе другая была бы реакция. С понтами и возмущениями. Впрочем, я так и думал, что Генка здесь ни при чем. Надо было лишь проверить и убедиться. Обеспечить чистоту дальнейшего лабораторного анализа.

Ну что ж. Отсутствие результата, как говорится, тоже результат.

– А ты кому-нибудь еще рассказывал, что мы ночью на дело собираемся?

– Кому? – удивленно поднял на меня глаза Генка. – Ничего я не рассказывал. Никому. Мы же по секрету собирались...

– Ну да. По секрету, – задумчиво протянул я, присаживаясь рядом с Генкой на кучу песка. – А ты всех пацанов запомнил, что с нами вчера на великах катались?

– Ага, запомнил. Кажись, всех. Точно всех! Я же в изобразительном кружке занимаюсь, и у меня художественная память, как мама говорит. На лица. Там были Славка Рыжий, Пендос, Пестер...

– Да-да, хватит. Верю.

В изобразительном кружке, говоришь?

– Все пацаны с нашего района. Славка только с «балки». Рыжий.

– Это хорошо, – констатировал я, заканчивая в голове проект элементарной махинации, примитивной до безобразия. – Значит, так, Генка! Слушай меня внимательно и сделай, будь добр, так, как я скажу. Иначе мое слово пацана – не в счет. Всем расскажу, что ты трепло и брехун ушастый. Понял?

– А я че?

– Ниче! Слушай. Сегодня и завтра найдешь всех пацанов, с кем на великах катались, и скажешь каждому, что этой ночью ты был с нами. На пустыре. Как и договаривались. Мы вместе поймали Катьку, а потом отпустили. Чтобы она привела на стрелку своих главных атаманш. Теперь уже – послезавтра ночью! Через два дня. Все понял? Хорошенько запомни! Своей великой художественной памятью. Ты, кстати, хорошо рисуешь?

– Да нет пока... кружку рисовали, у меня какая-то бочка из-под хамсы получилась...

– Ладно, проехали. Ты запомнил, что я тебе сказал?

– Послезавтра. На стрелку. Там же?

– Там же. Возле кинотеатра на пустыре.

– Ну, понял. Скажу.

– Трюхе, Славке и Димону можешь не говорить. Они и так все знают. В случае чего – сделают вид, что в первый раз тебя вообще видят. Не лезь, короче, к ним, а то опять огребешь.

– Ладно.

– И не трепись больше! По-хорошему тебя прошу. Тебе самому лучше будет.

– Ладно. Не буду.

– Все. Свободен. Иди, стреляй врагов своих. Скажешь, хирург Пирогов реанимацию закончил.

– Пирогов? А у нас возле Коммунарки площадь Пирогова есть.

– Иди бога ради, потерпевший. Иди и про задание свое не забудь.

– Ага. Ну, я пошел?

– Будь здоров, солдат удачи.

Вот так.

Разделим-ка мы группу подозреваемых древнейшим детективным способом. На ложного живца. Если послезавтра ночью на пустыре произойдет новая движуха – злоумышленник среди наших велосипедистов. Если будет все тихо – в деле или Трюха, или Славик, или... нет, все же Димон здесь по-любому ни при чем. Обмочиться ради достоверности? Для восьми лет это уж чересчур круто.

И скорей всего, Трюханов тоже не при делах. Давно его знаю: прост, понятен и незатейлив. Вот насчет поджечь что-нибудь – тут он Ломоносов. А придумывать или участвовать в интригах – здесь у нас глухо как в танке. И остается такой вот расклад – либо кто-то из велосипедного пелетона, либо... рыжий Славик!

Чужак ты наш загадочный.

Посмотрим.

Глава 6

Я в жизни видел много съёмов...

Родители искрились тайной.

В воздухе витало предвкушение радостного сюрприза. И мама, и папа загадочно улыбались, многозначительно переглядывались и... тянули сладостную резину ожидания.

«Путевку, что ли, батя получил? Ту, которая за полцены, в «Горный»? – равнодушно подумал я. – Нужно, кстати, из Шефа вытрусить эти деньги. Пусть премию, что ли, для бати организуют. С какой это стати за мое подпольное сотрудничество с безопасностью мы еще и приплачивать должны?»

– Сынок! А чего бы тебе этим летом больше всего хотелось? – начала свою мудреную сольную партию мама.

– Ну-у, не зна-аю, – стал я кочевряжиться и слегка подыграл этим доморощенным аниматорам, – может, съездить куда, мир посмотреть, себя показать...

Мама просияла:

– А вот угадай, что у папы за спиной?

Я вздохнул обреченно:

– Комод старый у папы за спиной. Тот, что нам бабушка подарила, когда мы квартиру в этом бараке получили. На радостях, что мы съедем от нее наконец.

Батя заулыбался. Растет сынок! Папины мысли вслух транслирует. Причем такие, за которые сам батя моментально огреб бы. Морально, разумеется.

Мама поморщилась:

– Да нет, Витя. Что же ты у меня бестолковый-то такой? В руках у папы! За спиной, но в руках.

Ах, бестолковый?

Значит, это у вас только Василий подрастающий гений? Не вылупившийся пока из скорлупы тугодумия? Ладненько. Сейчас вы точно почувствуете счастье от того, что спулите меня наконец с глаз долой, куда-нибудь в детский концентрационный лагерь!

Я сосредоточенно потер лоб, потом почесал затылок, посмотрел зачем-то в потолок и изрек:

– А! Понял! У папы... В руках... За спиной...

– Ну?

– Ага! За спиной... У папы... В руках...

– Так-так-так. Что у папы?

– Скорей всего... Мм...

Папа, как представитель сильной половины племени прямоходящих, терпеливо помалкивал, изредка почесываясь свободной от сюрприза рукой. Мама же явно расстраивалась вопиющей бестолковостью собственного отпрыска, медленно, но верно приближаясь к опасной черте красного цвета, за которой зона терпения резко обрывалась в глубокую пропасть. Как американцы эту грань называют? Kill Line. Линия Смерти. Не, по-русски изящнее – «красная черта»... К тому же отечественный вариант оставляет хоть каплю надежды...

– ...В руках... За спиной... Там, где комод... бабушкин... И, значит, у папы...

Еще-еще. Самую малость осталось... до пропасти.

Пару секунд до взрыва...

Обратный отчет пошел: пять, четыре...

– У па-а-апы...

...три, два...

– За спино-о-о-о-о-ой...

... один... и-и-и...

– Глобус!!! – радостно воскликнул я, как из хлопушки выстрелил.

Так в боевиках перерезают кусачками синий ну или красный провод. В последние полсекунды...

– Пуф-ф-ф, – шумно выдохнул отец и вновь обреченно почесался.

– Глобус? – опешила мама. – Почему глобус? При чем здесь вообще глобус?!

Мама изо всех сил пыталась не повышать голоса на несчастного ребенка со слабенькой головкой:

– Откуда! В твоей! Башк... гм... Голове. Да! В голове! Откуда в твоей голове вообще появился... ГЛОБУС!!!

– Ты же спросила, чего я хочу? – невинно захлопал я глазами, готовый уже разреветься по малости лет и в силу собственной ущербности. – А я сказал, мир повидать. А мир – это что? Мир – это ГЛОБУС! Куда я, ик! Пальцем покажу, ик-ик! Значит, ик... туда и... ик-ик-ик! Ы-ы-ы...

Вот вам!

Свинья я, конечно, распоследняя. Родичи осчастливить меня хотели. Ссылкой в лагерь. Себя заодно тоже порадовать. Свободой от сына. А я!

Поросенок неблагодарный!

– Люда! – укоризненно сказал батя. – Того. Ну, как это? Типа...

Мол, «соответствуют ли в данную минуту наши с тобой манипуляции принципам Макаренко и Сухомлинского в отношении хоть и старшего, но тем не менее еще недостаточно взрослого ребенка?».

– Заткнись!

Что означает: «Не надо беспокоиться, коллега. С точки зрения элементарной педагогики, где, как известно, я уже стаю собак съела, здесь у нас все под контролем».

М-да.

В этом она вся, моя ненаглядная мамочка. Одержимое стремление делать все правильно и по науке, особенно что касается воспитания собственных чад. Яростное притягивание практики к теории, и если где-то что-то «не бьет», то тем хуже для теории! «Тупые они, что ли? Чему их там учат?» Это по отношению к школьным учителям. Дилетантам и недоучкам, естественно.

Или же пускай будет хуже для практики: «Умные там больно! Пускай попробуют с живыми детьми поумничать!» К этим же учителям, но при других обстоятельствах.

А раз ни там, ни там достойных светил нету, мы энту пен-дагогику... сами изобретем.

Так, как нам надо!

– Виктор! Ты что, маленький, что ли? – строго укорила мои «нюни» мать. – Я ведь читала тебе про пионера-героя Валу Котика! Ты же помнишь? Он ведь не плакал, когда его фашисты ранили...

– Ладно! – резко оборвал я свои всхлипывания. – Вторая попытка.

Родители тревожно замерли.

Станным каким-то у них сын стал: то хнычет, как маленький, забыв про Валу Котика, то разговаривает совершенно спокойным голосом, как совсем уже взрослый. Точно, неуравновешенный какой-то. Вот так вот – гонять день-деньской по улицам с хулиганьем всяким.

Не-эт, пора в лагерь. Пора!

– Путевка в лагерь, – равнодушно «угадал» я, – скорей всего, в «Горный». Тот, что за Родниковом. Сначала сорок минут на тридцать седьмом автобусе, потом пешком по серпантину около часа, если быстро. Если не торопясь...

– А... как это... – неуверенно протянул отец и предъявил из-за спины голубые листки с затейливыми водяными знаками, – ты откуда это...

Типа «странные ассоциации, сударь, вызывает ваша необъяснимая осведомленность, не имеющая под собой видимых оснований».

– Просто сегодня во Дворце пионеров горячие путевки в лагерь «Горный» распространяли, – соврал я, не напрягаясь особо, – и про то, что по предприятиям будут распространять, говорили. В первую очередь – среди строителей. Я и догадался.

– А-а!

– Просто... глобус – он поприкольнее был бы. Давно хочу.

И вздохнуть грустно. Как бедному родственнику.

– Иди, вещи собирай, – начала восстанавливаться мать от педагогических потрясений. – Завтра с утра глобус... тьфу, мозги за... задурил... я имею в виду – автобус. С площади Ушакова. Туда еще добираться минут двадцать.

– Так пускай меня Ирина подбросит! На мошке своем. Позвонить? И тебе с работы отпрашиваться не надо.

– Ирина? А она что – так и работает тренером по гимнастике?

– Ну да! Я ее каждый раз вижу, когда в шахматный кружок хожу.

– Шахматы? – встрепенулся отец. – Партейку, может?

– Толик! Ты в своем...

И осеклась на полуслове. Только пальцем по лбу постучала. Незаметно, как она сама подумала. Нельзя при ребенке «наезжать» на... родителя номер два, непедagogично. В этой точке и теория, и практика сходятся.

– Ну, все! Я побежал звонить, пока Ирина Алексеевна на работе. Пап, соберусь – сыграем. Ты пока тренируйся. Вон гантели, разомнись.

– Не учи отца...

– Адью!

Позвонив оперативному, я неспешно потопал в обратную от дома сторону. Прогуляться захотелось. Если честно, эти батины шахматы – уже в печенках. Когда же, блин, компьютеры-то изобретут? А то здесь один очень перспективный геймер уже заждался. На домино, что ли, подсел бы.

Ноги почему-то понесли к оврагу. За город.

По этим временам граница городской зоны – в двух кварталах от нашего двора, рядышком совсем. Мы играем постоянно «за городом». Пройдет лет пять, и зашумит там бурная стройка, как консервным ножом вскрыют сухой дерн бульдозеры, как хищные и осторожные животные, будут щупать каменистые недра ковши экскаваторов – нет ли тут мин или авиабомб времен войны. Потом, потеряв страх, с воем вонзятся зубья Гадфильда в жесткий грунт, и взлетят к небесам этажи за этажами.

Да, точно! Первые высотки начнут кропать на проспекте генерала Острякова где-то через год. Батя говорил что-то про создание комплексной городской бригады. Бригады коммунистического труда! Почетное право строить советские небоскребы должны получить только лучшие из лучших! Мой батя войдет в эту плеяду – так было в моей прошлой жизни.

Не вижу препятствий и в этой.

А я ведь действительно горжусь своим отцом, хотя и подкалываю его высокомерно время от времени. С высот двадцать первого века. А если задуматься – есть ли вообще у меня для этого основания? Чем я, собственно, лучше? Тем, что физически пережил своего отца? Слабоватое преимущество.

А ведь это сыновье высокомерие как-то проскальзывало и у моего сына! Там, далеко в будущем. Просто я предпочитал снисходительно игнорировать начинающего задира ноеофита гаджетов и IT-технологий.

Смешным он будет, мой сынок, упивающийся соцсетями и повсеместным коннектом. Что ты, малыш, знаешь о первых компах в России? О чудо-коробочках с загадочным названием «Спектрум». Ты можешь себе представить, что носителем цифровой информации может выступать не флешка, не чудо-карточка мини- или даже микроформата. А простая магнитофонная кассета, которые в твою бытность даже для музыки уже не используют.

А твой дремучий старик, когда тебе было всего два-три годика, уже вовсю программировал на Бейсике. А потом даже в Паскале. Что там! Твой папа даже на ассемблер замахивался. Ты хоть знаешь, что это такое, продвинутый мой любимый отпрыск? Вряд ли. Вершиной этих начинаний, правда, оказалась простенькая самопальная программка, которая шустро выкидывала на черно-белый экран рядок случайных цифр. На пару секунд, чтобы успеть глазами пробежать и попытаться запомнить. А потом проверяла, как ты это все запомнил, и если ошибался – гнусаво пикала и мерцала экраном. Но ведь сам же написал!

И... благополучно забросил это дело.

Потому как интересуюсь я хоть и многими вещами, но... как-то поверхностно. До первого успеха. А вот батя мой, хоть и многого не умеет, в своем деле – Мастер. Спец и профи, каких мало!

Неужели, чтобы сообразить это, мне нужно было начать свою жизнь заново?

Может быть, в этом и заключается смысл того, что неведомая сила занесла меня в мое же собственное детство. По новой.

Если нет, то для чего тогда я вообще здесь?

Прыгая с одной мысли на другую, я сам не заметил, как очутился на уютном, благоухающем склоне оврага. Там, где не далее как вчера пресловутый Генка высасывал из пальца новые мифы и легенды Крыма.

И вновь вечерело. И вновь усталое солнце по крутой дуге катилось к небосклону, все больше и больше набирая объема и красноты. Прямо на глазах!

И вновь девчонки!

Ха. Как по заказу – две вчерашние пигалицы вынырнули из-за угла, глянули в мою сторону, хихикнули и поскакали в сторону центра. День сурка.

Что это – знак?

Ты сетовал пару минут назад, что не хватает тебе глубины в собственных начинаниях. Может, пора меняться прямо с этого момента? Если проверяешь всех, проверь уже и девчонок, как ни бредово кажется их участие во вчерашних событиях.

А что?

Я запрыгал вниз по склону, догоняя удаляющихся микровалькирий.

– Эй! Подождите!

Пигалицы оглянулись с удивлением и остановились. Ей-ей, чувствую себя идиотом.

– Девчонки, привет! Я это... Давайте знакомиться! Меня Витей зовут. А вас?

М-да. Это чего? Я их «клею», что ли? Докатился.

– Знаем мы, как тебя зовут, – довольно неприветливо заявила пигалица повыше и добавила сварливо: – Ты из ашек. Караваев. Нас весной возили к тебе в лагерь. В «Ласпи». На соревнования по гимнастике. Ты что, уже забыл?

Да уж, забудешь такое. И эту долговязую я смутно помню. Визуально. А вот мелкую со страшенькой сумочкой из мешковины – хоть убей.

– Ну да. Караваев, – галантно согласился я. – Так вас все же как зовут?

– Я – Анжела. Она – Полина. Только Полина не из нашей школы. Приехала на лето, отдыхает у нас.

Ну вот. Уже целая светская беседа образовалась. Только чего мне от них надо-то?

– Тебе чего от нас надо, Караваев?

Вот те на! Мысли она, что ли, читает?

– Так это... дружить хочу...

Мелкая тоненько хихикнула, а долговязая Анжела вытаращилась на меня, как на говорящего таракана.

– Чего?

– А что? – начал я заводиться. – Нельзя, что ли? Чего тут такого? Я что, денег, что ли, взаймы прошу? Нет! Всего-навсего – дружить! Эка невидаль!

– Ну, я не знаю, – стала выделяться Анжела. – Поль, ты как?

Мелкая только плечами пожала.

– А с кем именно ты дружить хочешь?

– Так это... с двумя... наверное....

– А разве так можно? Поля, ведь так же нельзя? Правда?

Отчего-то у меня стало возникать ощущение, будто я сдуру погружаюсь в какую-то приторно-тягучую жижу. Сам! Добровольно. Господи, какие же они... погремушки! Захотелось глубины самосознания? Интеллигентские комплексы замучили? Получай сеанс самоочищения!

– Придется тебе, Караваев, выбирать – с кем ты больше хотел бы дружить? Со мной или с Полиной? Только Полина в конце месяца уезжает. Домой, к маме...

Началась предвыборная агитация. Черный пиар.

Да уезжали бы вы обе! И прямо сейчас! Кой черт меня дернул их догнать?

– А я это... могу подумать?

– Ну, я не знаю...

Она что, блин, кокетничает? Пигалица не старше меня! От силы лет восемь.

И, кстати, страшненькая эта Анжела, если честно. На цаплю похожа. Мне что, так ей и сказать? Не хочу с тобой дружить – ты страшненькая?

За что мне это все?

– Ты тогда подумай, а завтра нам скажешь, – строго наказала мне страшилка, – в это же время и в этом же месте. Правда, Поль?

А чего мелкая как воды в рот набрала? По крайней мере, она хоть чуть посимпатичнее. Пухлые щеки, глазища огромные, волосы черные как смоль, забранные в два смешных хвостика. Кстати, как на том черепае из записки. Бред! Я что теперь – в каждой темной комнате буду за кошками гоняться?

– Правда, Полина? – захотелось мне растормошить эту куклу. – Завтра сказать?

Та слегка зарделась, неопределенно повела плечом и непроизвольно качнулась за спину Анжеле. Как-то не тянут они в моем представлении на ночных налетчиц. Да что я вообще несу? Какие налетчицы? Какого черта я вообще здесь время теряю? Чемодан надо идти собирать для мнимого лагеря. Мать, наверное, начинает озадачиваться моим долгим отсутствием.

– Хочешь фенечку? – неожиданно пискнула мелкая и протянула мне какой-то самопальный цветастый браслетик из ниток. – Это от глаза.

Я с изумлением уставился на нее, отчего пигалица запылала еще ярче, но руку от меня как от черта не отдернула.

– Ну, давай, – сделал я ей великое одолжение. – На какой руке носить?

Ответа не последовало. Словесный лимит, видимо, был исчерпан. Только знакомое пожатие плечиками да румянец на пухлых щеках.

– Ладно, – смирился я с этим природным явлением и нацепил браслетик на левую руку, – тогда до завтра.

– До свидания, – жеманно попрощалась Анжела, гламурно опустив веки.

А мелкая Полина только кивнула едва-едва. Вот, наверное, перепугалась девчонка! А как же – первый в жизни кавалер. Вон с перепугу даже какую-то «хренечку» подарила. Прикол.

– Пока, подружки! – неловко ляпнул я на прощанье. – Увидимся.

И полез по склону оврага вверх, оскальзываясь местами и цепляясь за сухие стебли выгоревшей травы. Когда оглянулся сверху, девчонок уже не было.

Черта с два я приду завтра. Увольте!

Хватит с меня этих романтических походов.

Глава 7

Юрский парк... по-русски...

Звонко трещал двигатель нашего штатного «Ижака».

Ирина, управляя рогатым мотоциклетным чудовищем с коляской, большей частью помалкивала. Понятно почему – обоих не перекричишь. Имеется в виду веселенький звуковой дуэт, состоящий из разудалого двухцилиндрового баритона и шума ветра в ушах, претендующего на роль вездесущего бэк-вокала.

Впрочем, ей помолчать полезно. Ибо... разговаривает много!

Просто мы уже успели немного поцапаться перед отъездом и слегка потрепать друг другу нервы. Так, по мелочам. Для создания рабочего настроения и жизнерадостного тонуса.

Все началось, как водится, с мелочей.

Точнее, с вопроса.

– Что это у тебя за мусор на руке? На помойке эту грязь нашел, бичуган? – поинтересовалась Ирина, как только мы вышли от моих родителей.

Я только фыркнул возмущенно. Отвернулся демонстративно и молча направился к коляске мотоцикла. Самое интересное, что буквально минуту назад в обществе моих родителей эта дамочка была олицетворением английской леди на великосветском приеме. «Извините», «пожалуйста», «будьте любезны», «не стоит затруднений, уважаемая Людмила Леонидовна» – фу! До тошноты. А как только вышли – нá тебе: «мусор», «помойка», «бичуган», и, надо думать, совершенно неуважаемый «бичуган».

Змея двуличная.

– Подарок от любимой, – напустив на себя важности, неторопливо произнес я, забираясь в коляску и устраивая между ног свой чемодан. – От сглаза, между прочим. Как чувствовала, с какими лицемерками ее суженому придется общаться.

– Ты разбил мое сердце, – вздохнула Ирина и неожиданно насадила мне на голову огромный мотоциклетный шлем, – умри за это, черствый и бездушный мальчик!

– Осторожнее! – возмутился я. – Так и шею сломать можно. Ребенок я или... погулять вышел?

– Ты хоть знаешь, что это за браслетик?

Ирина даже повременила с запуском стартера. Стояла, упершись двумя руками в сиденье мотоцикла, и рассматривала меня как под микроскопом.

– «Хренечка» от сглаза, я же сказал. Очень полезная вещь, между прочим. А что, понравилась?

– А кто подарил, конечно, не скажешь? Наверняка не скажешь. Понимаю. Начнешь выеживаться, на умняк падать, цену себе набивать.

У меня от возмущения аж шлем на глаза съехал.

– Да когда я выеживался-то?

– Да все время.

– Чего ты врешь? Ой, извините, не так! Вы, уважаемая леди, неправду говорить изволите.

– Вот! А говоришь, не выеживаешься. Ты и сейчас надулся как пузырь.

– Да ты на себя посмотри, выдра!

– Умно. Впечатляет даже. Надо же! Услышать такое от ребенка... пятидесяти лет от роду.

Я и заткнулся.

Вот как у нее так получается?

Двигатель завелся со второго раза, и, на мое счастье, заткнулась и Ирина. Знаете что? Иногда я горько жалею, что когда-то в минуту слабости открылся этой мегере. Показал вра-

жине свою ахиллесову пяту. Все верно, пятьдесят лет с учетом прошедшего года – не поленилась же посчитать!

Непостижимая женщина. До невыносимости. И как вообще прикажете с ней общаться?

Ей двадцать три. По моим меркам – вообще соплячка. В дочери годится. Ну, или с большой натяжкой – в романтические партнеры. А что? В нашем двадцать первом веке «папиков» никто не отменял. Только как я могу ее позиционировать в таком качестве, имея рост метр двадцать и вес тридцать три цыплячьих килограмма? Никак. Ладно, отставим романтику. Не больно-то и хотелось. Я вообще в этом времени – ребенок. Только с точки зрения ребенка эта «выдра» мне даже в матери не годится. Так, сестра старшая. По умолчанию мы с ней так и «соприкасаемся». Как правило. До того момента, пока ей вдруг не захочется предательски вонзить мне нож в спину. Как в данном конкретном случае, например.

И вот сижу я сейчас будто бы как ни в чем не бывало, подставляю свою бестолковую головушку под набегающие воздушные потоки, а самому стыдно, аж зубы сводит. Как от самого кислющего в мире цитруса. Мне всегда стыдно, когда эта гадюка ненавязчиво так указывает на то, что на самом деле я гораздо старше, чем выгляжу. И на то, что веду себя как инфантил, изображая своим поведением дите неразумное. Кстати, это очень легко сделать, достаточно лишь чуть ослабить контроль над самим собой – и все, ребенок берет верх над занудой-взрослым.

Интересно, во что легче впасть – в маразм или в детство?

Я горестно вздохнул и огляделся.

А почему это мы, интересно, свернули не на Большую Морскую, а на улицу Ленина? Наша оперативная база немного в другом направлении. Я, конечно, если даже и впал в детство, то до маразма мне еще далеко.

Ну?

Ирина глянула на меня и чуть заметно кивнула. Мол, ты не ошибся, дедушка, – цель поездки уже не спортзал во Дворце пионеров. Я в ответ требовательно дернул подбородком: «Объяснитесь, дамочка». Она в ответ тоже подбородком показала куда-то вперед и вправо.

Надо сказать, что, несмотря на постоянные пикировки, мы отлично понимаем друг друга без слов. Когда нужно. Чего скромничать, партнеры мы отличные. Спайка и взаимопонимание на высоте. Что не мешает этой... чешуйчатой пресмыкающейся...

Ладно, хорош! Пора успокоиться, старичок.

Чего заводиться из-за этой малолетки. Она, кстати, указала направление, где находится Корабельная сторона. Это мне ничего не говорит, но за Корабелкой после крутого спуска находится... Инкерман. А там – заброшенный скальный монастырь, о котором говорил Пятый. Я помахал рукой, чтобы Ирина оторвалась от дороги, потом указал пальцем в сторону и вниз. Мол, доедем туда и потом на спуск?

Теперь она просто и без затей кивнула. Угадал, значит, малыш.

Я тоже просто и без затей показал ей кулак: «Предупреждать надо о смене планов! Иначе с моей стороны последуют убедительные возражения. И жесткие санкции».

А она кротко на долю секунды закатила глаза: «Ой, боюсь-боюсь! Вертела я ваши санкции...»

Я резко чиркнул ладонью по тыльной стороне запястья левой руки. Мол, хватит болтать за рулем. И показал пальцем по ходу движения мотоцикла: «Следи за дорогой, балаболка».

В ответ – кверху большой палец. Можно расценивать, как «вы правы, коллега, спасибо за ценное указание». Или как «не пугайся, маленький, тетя и без тебя разберется». Я предпочел выбрать первый вариант и... отвернулся в сторону, дабы не провоцировать не в меру болтливого водителя.

Неудачный выбрал момент для наслаждения пейзажами. Мы спустились к основанию Южной бухты по Красному спуску, поэтому перед носом у меня замелькала каменная стена

ноздреватого известняка с буро-зелеными пятнами диких выющихся растений. Та еще картинка!

На мое счастье, козырек на коляске отсутствовал, поэтому горячий воздух, упруго бьющий в лицо, под громоздким шлемом на влажных от дневной жары волосах казался уже не таким горячим. Даже слегка прохладным. Я с удовольствием зажмурился и постарался задрать подбородок повыше, ловя набегающий воздушный поток еще и паухой расстегнутой чуть ли не до пула клетчатой рубашки.

Для детского спортивного лагеря меня, между прочим, нарядили в самое что ни на есть лучшее, что нашлось в маминых загашниках. И я сейчас планировал этот прикид аккуратно повесить в один из шкафчиков спортзала – для повторного облачения в день моего «возвращения в семью из мест не столь отдаленных». А на время «командировки» у нас есть – ни много ни мало – целая костюмерная городского Драматического театра, что через сквер рядом с Дворцом пионеров. Где работает еще один из моих наставников – старый дядюшка Хаим, хабуб Хейфец, Хаим Натанович дорогой.

Он этой весной учил, впрочем, до сих пор меня учит практической маскировке в полевых условиях. Ну, и иногда принимает самое живое участие в подборе для своего ученика повседневных «одежд». Потому что «таки, юноша, противник в этом деле мелочей не приемлет». По этой причине я стараюсь обычно посещать театральные zákрома в отсутствие Хейфеца, благо такая возможность мне предоставлена. Нравлюсь я деду.

Теперь из-за новой вводной придется отложить визит к старику на пару часов. И позаботиться особо о сохранности своего парадно-выходного платья, лазая по скалам и норам. Дабы впоследствии не расстраивать родителей.

Опаньки!

Не ожидал я, что мы этой дорогой поедem. Ирина в свойственной ей манере просто срезала приличный крюк, достоинство которого заключалось в наличии твердого асфальтового покрытия. Не снижая скорости, мы неслись уже по каким-то задворкам, проулкам и балкам. Разумеется, без асфальта. Я посильнее сжал челюсти, заботясь о целостности языка, а то так и придется до конца жизни жестами разговаривать.

Зверская техника! Почему такие жесткие рессоры и неудобное сиденье? И ноги некуда пристроить. Никогда у нас не заботились об удобстве пассажиров! Я имею в виду – инженеров-проектировщиков. Враги рода людского. Впрочем... танки действительно у нас одни из лучших. Не самые комфортабельные, правда, но немцы в свое время писали кипятком...

Опля!

Это я предусмотрительно уперся руками в кожух коляски. Ирина заставила мотоцикл в мгновение ока встать как вкопанному. Как когда-то вставал Сивка-Бурка – «листом перед травой».

Адский водила.

– Дальше пешком, – сказала она, освобождаясь от шлема, – оглядимся, освоимся.

Причальная зона. Техническая.

Слева, чуть позади, виднеется плавучий док. «Slow speed». Это не название, не подумайте, что я сошел с ума. Детские ассоциации: первое иностранное выражение, которое я увидел в жизни и даже смог перевести, – достаточно было глянуть на плавдок чуть левее, там уже по-русски: «Тихий ход». Еще мысль тогда в детстве мелькнула: «И стоило ли строить такую огромную махину, чтобы перевести с английского два слова? Так, чтобы всем видно было. Странные люди».

Через главную городскую бухту, которая в этом месте становится совсем уж узкой, устье рядом – чумазый мол и так называемая «Нефтяная гавань». Морская мазуто-колонка.

Приблизительно я сориентировался, куда мы прибыли, и, надо сказать, слегка был расстроен. Эта дамочка вообще нормальная или нет? До Загайтанской скалы в Инкермане, где

вырублены каменные кельи древнего монастыря, – километра четыре, не меньше. Час пехать! Но почему-то ни скулить, ни возражать мне не хотелось. Свежи были еще раны на душе. Я уже говорил, что Ирина – психолог от Бога? Если не по образованию, то уж по интуиции – точно.

– Пешком так пешком, – не очень жизнерадостно буркнул я, – чемодан не попятят? Из коляски?

– Тут сторож на причале – наш человек, присмотрит.

– Присмотрит он, – проворчал я по-стариковски, все равно застегивая тент на все крючки, до последнего.

Вообще, будь моя воля – я тоже начал бы поиски именно с Инкермана. Ирина здесь абсолютно права, и ворчал я совершенно напрасно. Из вредности.

– Любительница пеших прогулок, – не унималась моя желчь. – И райончик здесь еще тот. Ты хоть в курсе?

Места тут и правда глухие.

Мрачные и, официально выражаясь, криминогенно-опасные. В узкой «зеленке», тянущейся между морем и скалами вдоль южного побережья, там, где проходит нитка железнодорожной колеи, одиноко связывающая город с цивилизацией, в этой стихийно образовавшейся парковой зоне, воняющей мазутом и ржавым железом, любит собираться и весело проводить время самый разношерстный народ – синяки, нарики, бывшие зэки, как, впрочем, и будущие, цыгане, бичи, гоп-компании да всякий другой беспокойный люд. Они жгут здесь костры, жарят на ошметках металла мидий, сосут ханку и даже купаются! Вы не поверите – в небольшой заводи, куда сбрасывают отработанные воды из городской электроцентрали. А что? Зато тепло даже в непогоду. Отдыхают, короче, по полной. И нагоняют ужас на приличных граждан, глазеющих на этот беспредел из окон проползающих мимо поездов и электричек.

Потому что пешком сюда приличные люди не ходят!

Про это я и хотел намекнуть Ирине. Которая, кстати, я только сейчас обратил внимание, была одета в легкомысленный сарафанчик. Из коллекции «мини-бикини». И держался он если не на честном слове, то все равно эти две нитки и бретельками трудно было назвать. И... впрочем, ладно. Об отсутствии некоторой части купальника под сарафаном я лучше упоминать не буду. В конце концов, это ее личное дело.

– Не простудишься? – мрачно поинтересовался я.

Вообще-то в тени под сорок. Скалы плавятся. Вон камень аж почернел. Но Ирина правильно поняла мой сарказм. Она вообще все правильно понимает. И даже умеет быть лаконично убедительной.

– Так надо.

«Значит, надо так». Это из какой-то песни, не помню точно.

Вот, значит, что!

Если теперь я правильно понял, Ирина сейчас будет изображать шашлык в голодном доме. Листок капусты в козлином царстве. Подсадную утку!

Смело. Только зачем? Спросить – гордость не позволяет. Сам догадаюсь. Войти в контакт с криминогеном? Чтобы пощупать тела в наколках на предмет странных ребятишек, прыгающих по каменным кельям Инкерманского монастыря? Скорей всего. Что может быть крепче тесной дружбы, начавшейся с пары зуботычин? А за свои бретельки Ирина и мамонта разорвет пополам.

Только все равно – опасно очень. Народ здесь с мозгами не дружит. Особенно когда под алкогольными парами или под маковой дурью.

Я скептически покачал головой.

Мы шагали по узкой тропинке вдоль железнодорожного полотна. Иногда эта путеводная нить витиевато углублялась в заросли кустарника, выныривала в неожиданных местах, напоминая руины Помпеи, но затем упорно возвращалась к облюбованным рельсам.

– А ты знаешь, сынок, почему эту балку справа называют Сушильной? – неожиданно громко спросила Ирина каким-то неестественно жизнерадостным и звонким голосом. – Потому что раньше, еще в прошлом веке, здесь, на склонах этого оврага, снасти сушили. От старинных кораблей. Паруса, канаты. А еще это место называли Пороховым оврагом. Знаешь почему?

Умники и умницы. Викторина для идиотов.

– А потому, мамочка, что здесь еще, ко всему прочему, и порох хранили! И сушили!! И кое-кому кое-куда засовывали!!! – таким же радостно-писклявым голосом проорал я в ответ. – Правильно я угадал?

Значит, просто козленка подсунуть тираннозавру – мало! Надо, чтобы бедное животное заблеяло выразительно. Голос подало. Погромче и полегкомысленней.

А вот, кстати, и он. Допотопный ящер. Точнее – группа ящеров, выползающих по одному из впереди виднеющихся развалин. Четверо хмырей исключительно недружелюбного вида. Что особо опасно – молодняк, лет по восемнадцати-двадцати, плюс-минус. Самая сложная категория: мышцы выросли, мозги – нет. А вместе с мускулатурой подросло еще кое-чего. Что жить спокойно не дает.

– А ну, стоять!

К нам не спеша приближался тип в разодранной майке, засаленных трениках и шлепках на босу ногу. Явный вожак в этой компании. За ним маячили еще три аналогичных рожи. В таких случаях первое слово всегда за лидером. Стая должна молчать, внимать и быть готовой к выполнению оперативно поставленных задач.

– Ой, мальчики, – растерянно продолжала блеять Ирина. – А мы тут заблудились... с сыночком...

Меня сейчас стошнит от ее голоса.

– Гы-гы. Нормалек такая! А ну, шкет, погуляй пока...

Надо сказать, что отсутствие прелюдий типа «Девушка, не скучаете ли?» или «А не нужен ли зять вашей мамочке?» – явный признак совершенно недвусмысленных намерений с поправкой на глухую местность. Что, без всякого сомнения, добавляет злоумышленникам излишней самоуверенности. И ощущений абсолютной безнаказанности.

– Сам ты шкет, – по инерции буркнул я, некоторым образом смазывая задуманную Ириной мизансцену.

– Чего? – сразу же перенацелился на меня вожак. – Косяк, а ну задвинь сопляка подальше. Чтобы я шукал его долго. Та потремай его там, минут так пару. Мы тут с гражданкой швыдко добазаримся. Правда, красивая?

– Ой, мальчики... не надо... прошу вас, – продолжала Ирина исполнять лохушку, смещаясь назад и чуть в сторону от меня.

– А ты не бойсь, кобылка. Сейчас знакомиться будем. Косяк, ты еще здесь?

Ко мне вихлястой походкой не спеша направился один из членов стаи, выглядевший самым мелким и неуважаемым в этом прайде. И самым грязным, к слову.

Пятясь задом, словно встревоженные ракообразные, мы с Ириной коротко и незаметно для приближающейся шпаны обменялись взглядами. Она указала глазами на того, кого поименовали Косяком, потом чуть качнула головой в сторону развалин стены и слегка покрутила кистью руки. Для посторонних – будто пальцы слегка затекли, разминала рассеянно. Для меня: «Крути его». Или: «Работаем этого персонажа». А еще точнее: «Сделай так, чтобы этот шустрый Косяк перестал быть шустрым и оказался с тобой вот за этой стеночкой, где мы будем задавать ему интересующие нас вопросы. Вдумчиво и неторопливо. Разумеется, после того, как по просьбам местных трудящихся я ближе познакомлюсь с остальными персонажами».

Бедняги.

Хвала мужеству мотыльков, самоотверженно летящих в пламя свечи!

А ведь и верно. Если кому и задавать вопросы, так это самому «отверженному» в компании. Шестерке. Шнырю. Тому, кем все помыкают.

Во-первых, поможет давняя и скрытая обида на угнетателей. Во-вторых, постоянная опасность делает таких типов действительно шустрыми. Внимательными и наблюдательными. Закон выживания каменных джунглей. Ну а в-третьих, другие могут начать изображать героев. Недолго, конечно. Но оно нам надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.